

Л. Б. Эрштейн

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Монография

**Глазов
ГГПИ
2022**

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ГЛАЗОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ В. Г. КОРОЛЕНКО»

Л. Б. Эрштейн

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ**

Монография

Глазов

ГГПИ

2022

УДК 37

ББК 74

Э83

Рецензенты:

канд. филол. наук, доцент, ректор ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко» *Я. А. Чиговская-Назарова*;
д-р социол. наук, профессор кафедры рекламы и социальных коммуникаций Российского университета дружбы народов *С. А. Шаронова*

Э83 Эрштейн Л. Б. Социальные институты и институционализация образования : монография / Л. Б. Эрштейн. – Глазов : Глазов. гос. пед. ин-т, 2022. – 116 с.

Монография посвящена процессам институционализации и институционализации образования. Приводятся авторское определение и классификация социальных институтов. Рассматриваются основные функции социальных институтов, доказывается невозможность существования неформальных социальных институтов. Впервые исследуются процессы реального и декларируемого, их классификация и значение. Приводится классификация формального. Анализируется процесс институционализации, его значение и основные функции. Приводится анализ процессов институционализации образования, показаны основная сущность и значение институционализации образования. Отдельное внимание уделено процессам институционализации среднего профессионального и дистанционного образования.

Монография предназначена для всех, интересующихся проблемами развития общества и образования.

Монография подготовлена в рамках реализации государственного задания № 073-00057-21-01 на выполнение прикладного научного исследования по теме «Научно-методологические и методические рекомендации по институционализации онлайн-образования в трансформирующейся образовательной среде среднего профессионального образования» (дополнительное соглашение Министерства просвещения Российской Федерации и ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко» 073-03-2021-037/2 от 21.07.2021 г.).

УДК 37

ББК 74

ISBN 978-5-93008-384-2

© Эрштейн Л. Б., 2022

© ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Ча с т ь 1. Социальные институты	8
1.1. Формальное и реальное в человеческом обществе	8
1.1.1. Источник, определение и классификация формализации	8
1.1.2. Деформализация	13
1.2. Реальное и декларированное	14
1.3. Социальные институты: определение и сущность	16
1.4. Функции, классификация и структура социальных институтов	24
1.4.1. Функции социальных институтов	24
1.4.2. Классификация социальных институтов	30
1.4.3. Невозможность существования неформальных социальных институтов	35
1.4.4. Структура социальных институтов	36
1.5. Социальные институты: явление и процесс. Жизненный цикл социального института	41
1.6. Появление социальных институтов. Историко- аксиологический анализ	48
1.6.1. Принцип экономии энергии в обществе. Социальные институты как средство экономии социальной энергии	48
1.7. Взаимодействие социальных институтов друг с другом	51
1.8. Общая история появления социальных институтов	53
Ча с т ь 2. Процесс институционализации и его значение	56
2.1. Определение и классификация институционализации	56
2.1.1. Определение институционализации	56
2.1.2. Классификация институционализации	58
2.2. Институционализация как информационный процесс. Информационный паспорт институционализации	59
2.3. Деинституционализация	64
2.4. Прикладные следствия институционализации и существования социальных институтов	66
2.4.1. Институты как фактор стабилизации и укрепления социальных систем	66

2.4.2. Институты как фактор признания социального явления ..	68
2.4.3. Влияние институционализации и социальных институтов на личность	69
2.4.4. Влияние социальных институтов на организации	71
2.5. Негативные следствия институционализации и существования социальных институтов	74
2.6. Институционализационный анализ	77
Часть 3. Институционализация образования и ее значение ..	79
3.1. Значение образования для человека и общества	79
3.2. Институционализация неформального образования	81
3.3. Информальное образование и невозможность его институционализации	83
3.4. Институционализация дистанционного образования в общем, среднем профессиональном, высшем образовании ..	86
3.4.1. Вступление	86
3.4.2. Институционализация дистанционного образования в общем образовании	88
3.4.3. Институционализация дистанционного образования в среднем профессиональном образовании	91
3.4.4. Институционализация дистанционного образования в высшем профессиональном образовании	93
3.4.5. Итоги	95
3.5. Институционализация научного руководства	96
Заключение	99
Список литературы	100

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая уважаемому читателю работа, посвященная социальным институтам и институционализации образования, появилась в результате исследований институционализации среднего профессионального образования, проводимых мной лично и нашей группой, на протяжении полутора лет в Глазовском государственном педагогическом институте имени В. Г. Короленко.

В процессе данных исследований стало ясно, что, несмотря на то что социальные институты и институционализация широко рассмотрены в отечественных и зарубежных исследованиях, многие вопросы изучены недостаточно полно или не затрагиваются вообще. Вместе с тем анализ феномена социальных институтов показал мне неразрывную связь с ценностными процессами и механизмами развития общества на основе принципов теории эволюции, рассмотренными мной ранее в других работах.

Возникла идея написать монографию, посвященную вопросам развития социальных институтов и институционализации образования. Эта идея была поддержана ректором института Я. А. Чиговской-Назаровой, которая согласилась стать одним из рецензентов данной работы.

Работа написана мной от общего к частному в такой последовательности: ч. 1 посвящена социальным институтам, первые два пункта посвящены проблеме формализации, вопросам реального и декларируемого, которые, по сути дела, приводят к появлению социальных институтов. Далее рассматриваются определение, классификация и генезис социальных институтов.

Часть 2 содержит сведения о проблеме институционализации, проанализированы вопросы, связанные с определением, классификацией институционализации, ее прикладные следствия и следствия существования социальных институтов, уделено внимание проблеме негативных последствий институционализации.

В ч. 3 рассмотрены вопросы институционализации образования, в том числе неформального и различных уровней формального образования, информального образования и научного руководства. Данная часть предваряется рассмотрением роли образования в развитии общества и, как следствие, объяснением того, почему я выбрал исследование проблем именно институционализации образования, а ни чего-либо другого.

В целом работа написана в научном, однако, не наукообразном стиле, я попытался сделать работу максимально доступной для читателя, проиллюстрировать излагаемые положения как можно большим количеством живых примеров. Исходя из этих же соображений, я иногда перехожу на прямой диалог с читателем. Изложение часто ведется от имени «я» или иногда чаще используемого в российской научной традиции имени «мы», но все, что изложено в работе, является именно точкой зрения автора и никого другого.

Я попытался снабдить работу как можно большим количеством ссылок на источники, причем прямое цитирование для удобства читателей выделено мной курсивом. По мере возможности я попытался избежать столь любимого в западной научной литературе упоминания источников, хотя кое-где это и есть. Разумеется, было невозможно рассмотреть все источники литературы по проблематике, их слишком много, но на основные, как мне кажется, я обратил внимание читателя. Сформулированные определения базовых понятий для удобства читателей выделены жирным шрифтом.

Несколько слов необходимо сказать о терминологии. В работе употребляется термин «институционализация», хотя в научной литературе нередко можно встретить и слово «институализация». Данные термины употребляются как синонимы, что подтверждается мнением некоторых исследователей, которые будут упомянуты в тексте.

Я благодарю своих рецензентов – ректора Глазовского государственного педагогического института имени В. Г. Короленко, кандидата филологических наук Я. А. Чиговскую-Назарову и доктора социологических наук С. А. Шаронову. Кроме того, я выражаю благодарность проректору по науке этого же института, кандидату педагогических наук О. Е. Данилову и всей нашей команде, с которой мы работаем над проектом исследования

институционализации дистанционного образования в среднем профессиональном образовании. Общение с ними, подчас очень жесткое и бескомпромиссное, заставило серьезно задуматься о проблематике данного исследования.

Кроме того, хочу сказать о личном. Основная работа над текстом велась мной в мае 2022 года. В этот период мы потеряли существо, которое любили больше жизни. Это была просто собака, но это было самое доброе и самое ласковое в мире существо, и я никогда не узнаю, почему те, кто распоряжается нашими судьбами, решили забрать ее у нас. Но я хочу посвятить эту работу тебе, Филимон, и сказать, что ты всегда будешь в нашем сердце.

Со мной по-прежнему можно связаться в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/leoleo1972>) или по электронной почте (leoleo1972@mail.ru). Я буду рад любым критическим замечаниям и обсуждению предлагаемой уважаемому читателю работы.

Благодарю вас за интерес, проявленный к данной книге.

Посвящается Филимоше

Часть 1

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

В ч. 1 рассматривается феномен социальных институтов, проанализированы явления формального и реального, реального и декларированного, феномен формализации. Даются определение и классификация социальных институтов, показаны структура, основные функции и жизненный цикл социального института, проанализированы основные способы взаимодействия социальных институтов, приведено рассмотрение социальных институтов как явления и как процесса, рассматривается общая история социальных институтов.

1.1. Формальное и реальное в человеческом обществе

1.1.1. Источник, определение и классификация формализации

Наш разговор о социальных институтах начнем не с них самих, а с понимания формального и неформального. Впоследствии станет ясно, почему это именно так. Первое, что бросается в глаза, – это удивительный факт, что общая теория формального в науке отсутствует, во всяком случае, я ее обнаружить не смог. Если я не прав, и такие работы существуют, то я буду признателен уважаемому читателю за ссылку. Тем не менее кое-какую информацию в источниках найти можно.

Следует обратить внимание на то, что в иностранных работах формальное понимается в контексте математики и математической логики [125]. Зачатки появления процессов формализации можно найти в работах по этологии. В частности, Дж. Гудолл в своей классической работе (которую я советую уважаемому читателю прочесть полностью) о поведении шим-

панзе, обсуждая проблему иерархии в социальных сообществах, указывает: *«Относительный ранг А и Б может первоначально определяться в схватке. Но доминирование не следует смешивать с агрессивностью. Однажды заняв доминантное положение по отношению к Б и утвердив свою позицию, А вовсе не обязательно будет вести себя более агрессивно, чем Б, да и необходимость в открытой враждебности между ними едва ли возникнет. Тем не менее тот факт, что Б ведет себя подчиненно по отношению к А даже в отсутствие явных угрожающих сигналов, по-видимому, означает, что Б осознает возможность для А проявить свой более высокий статус в форме агрессии. Если Б переступит определенную границу, например, слишком близко подойдет к А, когда тот кормится, обычно бывает достаточно легкой угрозы, чтобы Б вспомнил о своем месте и перестал досаждать А. Как уже упоминалось, принцип доминирования выгоден не только для А, который расходует минимум усилий, но и для Б: вместо того чтобы растрачивать энергию в схватке, которую он, скорее всего, проиграет, он попросту уходит и отыскивает пищу в другом месте»* [17]. Мы не случайно подчеркиваем данный фрагмент, впоследствии он будет очень важен, именно он, по сути, говорит о принципе экономии энергии в обществе, и именно он указывает на зачатки появления социальных институтов. И далее: *«В сообществе шимпанзе иерархические отношения между А и Б, первоначально установленные в агрессивной стычке (или путем наблюдения за проявлениями агрессии и усвоения традиций сообщества), могут сохраняться и тогда, когда А состарится и ослабеет настолько, что Б, если бы дело дошло до схватки, в состоянии был бы одержать над ним верх и поменяться с ним местами в иерархии. Другими словами, Б продолжает подчиняться А “по привычке”»* (Гудолл, 425). Тем не менее в течение недель и даже месяцев иерархические отношения могут оставаться довольно стабильными, по крайней мере между старшими по возрасту особями. В периоды наибольшей стабильности обций уровень агрессии чаще всего низок: каждая особь, так сказать, “знает свое место” по отношению к другим. Атаки во многих случаях заменяются угрозами. Таким образом, хотя об иерархии нельзя сказать, что она специально создается для контроля над агрес-

сивностью внутри сообщества, она часто действует именно таким образом» [17].

Как мы видим, Дж. Гудолл указывает, что нередко иерархические взаимоотношения сохраняются не вследствие объективного соотношения сил в сообществе животных, а по привычке, потому что так удобнее и к этому привыкли, т. е. носят формальный, а не реальный характер. Физическая сила и социальное превосходство (которое, исходя из данных Дж. Гудолл, является решающим фактором успеха в доминировании [17]) могут принадлежать одному самцу, а альфа статусом будет обладать другой самец, который получил этот статус раньше, в тот момент, когда соотношение реальных сил было действительно в его пользу. Я бы предложил назвать такую ситуацию «формальное доминирование». Данную тенденцию полностью подтверждает в своей работе, посвященной агрессии, К. Лоренц, он пишет: *«Некоторые действия в процессе филогенеза утрачивают свою собственную, первоначальную функцию и превращаются в чисто символические церемонии. Этот процесс он назвал ритуализацией. Он употреблял этот термин без каких-либо кавычек, т. е. без колебаний отождествлял культурно-исторические процессы, ведущие к возникновению человеческих ритуалов, с процессами эволюционными, породившими столь удивительные церемонии животных»* [39, с. 29]. И далее на примерах многих животных автор описывает механизм возникновения ритуалов, тем самым показывая, что уже у животных (причем необязательно у высших) есть формальные действия и отношения, которые иногда носят дезадаптивный характер и приносят особи скорее вред, чем пользу.

Так что же представляет собой формализация? В наших предыдущих работах [86–90] мы даем ей следующее определение: *«Формализация представляет собой организацию и результат какого-либо процесса в соответствии с жестко установленными, четкими и определенными заранее требованиями»* [90]. Здесь я буду придерживаться того же определения.

Однако обозначенные в определении правила могут быть выражены при помощи различных языков. С точки зрения языка выражения можно выделять логическую и естественную формализацию. Логическая формализация – это формализация, кото-

рая формулируется математическим языком. В свою очередь, естественная формализация формулируется обычным естественным языком. Отсюда можно сделать вывод о том, что столь любимая западными учеными математическая формализация представляет собой частный случай формализации как таковой, но далеко не единственный.

Вместе с тем при необходимости выполнения можно выделять правовую и документальную формализацию. В случае правовой формализации формальные правила оформляются в форме обязательных для выполнения законодательных актов, а в случае документальной формализации – в форме каких-либо документов, которые, так как они не являются законами, можно в той или иной степени игнорировать. Правовая формализация всегда документальная, но документальная может быть неправовой.

Кроме того, может быть разная проявленность формализации. Она может быть эксплицитной, вербальной (явной), и имплицитной, невербальной (скрытой). В том случае если формальные правила сформулированы ясно вербальным языком (естественным или математическим), то можно говорить о вербальной (явной) формализации. Иногда, однако, эти правила не имеют формулировок на вербальном языке, хотя скрыто ощущаются всеми. Такой формализацией является большинство бытовых ритуалов, например, ритуал носить кольцо в браке или крестик после крещения. К скрытой формализации можно отнести и описанные выше ритуалы у животных, по всей видимости, эволюционно это первые типы формализации.

Формализация может быть глобальной, когда правила действуют для всего человеческого общества, например, не убивать других людей или не воровать, и глобальной, когда правила действуют для части общества, например, только на уровне государств или отдельных организаций, например, законы государства или традиции конкретной организации, скажем, праздновать день рождения организации. Примеров можно привести множество.

Помимо этого, формализация может протекать достаточно долгое время или быть кратковременной. Например, закрепленное в законе наказание за убийство является случаем формализации, существующей всю историю существования человечества

(за редкими исключениями), а принятое недавно ношение масок (в связи с пандемией) – ситуацией кратковременной формализации. Оно было отменено, как только это стало возможным.

Кроме того, можно выделять реальную (обязательную) и декларированную формализацию. Реальная формализация представляет собой набор правил, которым действительно необходимо следовать. Декларированные – это продемонстрированные правила, т. е. правила, о которых говорят. При этом она может быть как реальная и формальная, так и скрытая и явная, а также естественная и логическая (да, логическая, далеко не все и не всегда следуют правилам логики, нарушение их в обществе и для человека – это дело обычное). Подробнее о реальном и декларированном см. далее. Общая классификация формализации представлена мной на рис. 1.

Рис. 1. Классификация формализации

На схеме представлены все обозначенные выше основания формализации и варианты проявления этих оснований. Возможно, существуют и иные основания формализации. Она представляет собой самостоятельное социальное явление, и изучать его нужно отдельно. Здесь я не ставлю перед собой цель разработать общую теорию формализации. Все сказанное – лишь наброски для разработки такой теории. Полное описание формализации

конкретного процесса, на мой взгляд, можно назвать формальным паспортом социального процесса. Приведем пример. Формализация ношения масок в связи с пандемией является:

1. Естественной – выраженной обычным языком.
2. Правовой, документальной – был принят закон.
3. Явной – закон было опубликован.
4. Декларированной – кто хотел – носил, кто не хотел – не носил маски.
5. Локальной – в данном случае речь идет о России, хотя подобное было и во всем мире, но в деталях различно.
6. Непродолжительной – закон действовал короткий срок.

Таким же образом можно проанализировать любое социальное явление, и полное обоснование каждого пункта, включая исторические корни будет включать не одну страницу текста и представлять собой предмет отдельного специального исследования. Однако здесь возникает следующий вопрос: а любое ли социальное явление можно формализовать? Ответ представляется отрицательным, некоторые социальные явления формализованы быть не могут, например, информальное (стихийное образование). По всей видимости, возможность формализации обусловлена количеством переменных, от которых зависит то или иное социальное явление. Но этот вопрос нуждается в отдельном специальном исследовании.

1.1.2. Деформализация

Еще одним вопросом, который необходимо коротко рассмотреть, является вопрос деформализации. А. Д. Хлопин писал: *«Согласно определению В. Радаева, деформализация правил есть “непрерывная трансформация институтов, в ходе которой формальные правила в значительной мере замещаются неформальными и встраиваются в неформальные отношения”»* [79]. Мы будем придерживаться данного определения. На наш взгляд, деформализация происходит тогда, когда формализация начинает препятствовать развитию социального феномена. Такая ситуация очень характерна для бюрократических социальных систем, в которых нередко законы и правила настолько регламентируют развитие социальных явлений, что, по сути дела,

нарушают процессы выполнения основных функций этих явлений.

Например, такая ситуация происходит с современным школьным образованием в России. Деятельность учителя настолько ограничена различными правилами и инструкциями, он настолько завязан с необходимостью написания различных документов, что свои основные функции выполнять уже не может. Подобная ситуация характерна и для малого бизнеса.

Все это приводит к тому, что в обществе начинают говорить о деформализации, т. е. об отмене части законов и правил, регламентирующих действие социального явления. Подробное рассмотрение процессов деформализации не является целью нашей работы, это предмет отдельного специального исследования, связанного с формализацией. Здесь же заметим, что, по всей вероятности, готовность к деформализации является одним из показателей уровня развития общества. Более прогрессивные общества, по всей видимости, более готовы к деформализации, чем менее прогрессивные.

Кроме того, следует сказать об аксиологической природе деформализации. По сути, деформализация – это отказ от формализации, правил и законов, сформулированных ранее обществом. Такой отказ возможен только в том случае, если данные правила и законы представляют собой ценности низкого порядка в соответствии с нашим пониманием ценностей [88], если данные правила и законы очень важны (ценны) в обществе, значит, общество ни за что не откажется от них, ибо кто же будет отказываться от того, что значимо. Если же они менее важны, то, стало быть, отказ будет более вероятен. Таким образом, возникают два условия деформализации: первое заключается в снижении ценности данного правила или закона, второе состоит в том, что отказ от правила или закона становится более ценным, чем следование ему. В результате соблюдения одного из этих условий может происходить процесс деформализации.

1.2. Реальное и декларируемое

Следующим вопросом, который мы должны рассмотреть, прежде чем перейдем непосредственно к предмету нашего основного разговора, является вопрос о реальном и декларируемом

в обществе. Феномен реального и декларируемого является общесоциальным и распространен повсеместно, однако о нем не удалось обнаружить никаких исследований ни в отечественных, ни в зарубежных источниках.

Я не ставлю перед собой цель представить уважаемому читателю общую теорию декларированного и пишу здесь об этом лишь в силу того, что, как убедится читатель, декларированное оказывает огромное влияние на социальные институты и процесс институционализации. Несмотря на отсутствие работ по декларированному, связанный с ним феномен широко описан в литературе по этологии и, прежде всего, в книгах о поведении высших животных.

Можно утверждать, что природной сутью декларированного является хорошо описанный Дж. Гудолл такой способ поведения шимпанзе, как демонстрации. При этом даже в природных сообществах декларированное может полностью отличаться от реального, например, Дж. Гудолл описан случай, когда один из самцов, не обладающий физическим превосходством и другими преимуществами, использовал канистры для демонстрации силы и тем самым добился альфа-статуса (посмотрите случай с Майком – Гудолл [17, с. 438]).

Декларирование – это стремление продемонстрировать существование чего-либо, это информирование сообщества. При этом декларированное далеко не всегда отличается от реального, такое может быть, а может и не быть. В сообществах животных, согласно этологам, декларирование существует в целях экономии энергии и сил членов сообществ или отдельных особей, если речь идет о животных, живущих поодиночке. Это легко понять, если задать себе вопрос, что требует меньше сил и является менее безопасным: сообщить другим членам своего или других видов, какой ты страшный и опасный или же вступить в реальную драку, в которой тебя могут убить?

Декларированное поведение, по всей вероятности, является одним из наиболее распространенных способов адаптации живых существ к окружающей среде, характерных не только для млекопитающих, но и, вероятно, даже для некоторых беспозвоночных (например, кальмаров и уж тем более насекомых) и даже для некоторых растений, ибо ничем иным, кроме декларации яркие краски цветков не являются. Широко распространенное в

мире животных использование пугающей окраски является не чем иным, как декларированием. При этом животное действительно может представлять опасность, а может быть совершенно безопасным, тем самым оно намеренно обманывает других с целью сохранить собственную безопасность (мимикрия). Такие же способы декларирования характерны и для растений. При этом целью декларирования является не только сохранение безопасности, но и, например, как в случае ярких цветков, повышение эффективности своей репродуктивной стратегии. Вероятно, существуют и иные цели.

Возможно, следует говорить о том, что способность к декларации (демонстрации) является одним из базовых свойств живого, однако, разумеется, я совершенно не настаиваю на этой мысли, прежде всего, потому, что здесь действительно нужны исследования, посвященные именно этому предмету и никакому иному.

Что касается человеческого общества, то в нем феномен декларированного также очень и очень распространен и является характерным для всех людей абсолютно любого возраста (даже для младенцев), а также для надперсональных образований, таких как организации любого масштаба, и функций.

В предыдущей работе я написал, что *«основная функция декларируемых ценностей – адаптация системы к среде, этот принцип сохраняется и для социальных декларируемых ценностей, их задача адаптировать государство к окружению, состоящему из других государств, дать им понять, что государство считается с их ценностями»* [88]. Хотя, конечно, значение декларированного в обществе существенно шире сказанного.

Нас в нашем разговоре будет интересовать в основном тот факт, что декларированное не всегда совпадает с реальным, очень часто оно существенно или полностью от него отличается.

1.3. Социальные институты: определение и сущность

Наш разговор о социальных институтах и вопросах институционализации я начну с определения социального института. Дать хорошо обоснованное, логичное определение представляется крайне важным, прежде всего потому, что весь наш дальнейший рассказ будет основан на этом определении. Я постара-

юсь уделить данному вопросу особое внимание, но буду максимально кратким, чтобы не слишком утомлять уважаемого читателя.

Прежде чем перейти к решению поставленной задачи, следует рассмотреть, как она была решена до нас. Надо сказать, что проблемой определения социальных институтов широко занимались и в России, и за рубежом. Рассмотреть все источники на эту тему не представляется возможным, да, в общем, и не требуется, так как, несмотря на такое обилие работ и определений, все авторы говорят примерно об одном и том же. Тем не менее основные определения все же рассмотрим. В частности, *И. А. Журавлева* пишет: «Так, по мнению *И. А. Шмерлиной*, «Онтологически под социальным институтом можно понимать четыре типа реальности: нормы права, установки обыденного сознания, повседневные статусно-ролевые практики и организации» [12]. Так, например, в политической науке, статус классической приобрела дефиниция *С. Ф. Хантингтона*: «Институты – это устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения» [11, с. 32]» [24].

Ю. Б. Шубников приводит определение *К. Маркса*, в соответствии с которым *К. Маркс* определял социальные институты как «социальные формы существования человека» [6, с. 263]» [84]. Он же указывает далее: «Родоначальник экономического институционализма *Т. Веблен* определял институты как «привычный образ мысли, руководствуясь которым, живут люди», «привычные способы осуществления процесса общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество» [2, с. 202–203]. *У. Гамильтон* характеризовал институт как «словесный символ лучшего обозначения группы общественных обычаев. Они означают преобладающий и постоянный образ мысли, который стал привычным для группы или превратился для народа в обычай... Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособляем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов» [2, с. 6]. *Д. Норт*, в свою очередь, определяет институты, как «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [7, с. 73].

О. И. Уильямсон исходил из того, что институт представляет собой «правила игры, определяющие контекст, в котором осуществляется экономическая деятельность. Базовые политические, социальные и правовые нормы, которые образуют основу производства, обмена и распределения» [6, с. 67]. Стэнфордская философская энциклопедия определяет социальные институты как «сложившиеся формы организации совместной жизнедеятельности людей» [15]. Российские специалисты при характеристике института как категории также не придерживаются единого толкования. Так, авторы учебника «Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория», подготовленного в Московском государственном университете (МГУ), определяют институт как «совокупность, состоящую из правил или нескольких правил и внешнего механизма принуждения индивидов к использованию этого правила» [3, с. 23]. И. И. Агапова в своем учебном пособии «Институциональная экономика» под институтами понимает «определенные правила, стандарты поведения и стереотипы мышления» [2, с. 23]. Н. М. Коржевская считает, что «социальный институт представляет собой общность людей, выполняющих определенные роли на основе их объективного положения (статуса) и организованных посредством социальных норм и целей [4, с. 11]. Я. Щепаньский под социальными институтами понимал системы «учреждений, в которых определенные люди, избранные членами групп, получают полномочия для выполнения общественных и безличных функций ради удовлетворения существенных индивидуальных и общественных потребностей и ради регулирования поведения других членов групп [12, с. 96–97]» [85].

Рассматривая приведенные определения, необходимо отметить следующее:

1. Определение И. А. Шмерлиной представляется слишком широким, фактически данное оно не дает представления о том, что же представляет собой социальный институт как таковой.

2. Что касается определения С. Ф. Хантингтона, то для того, чтобы в обществе существовали значимые воспроизводящиеся формы поведения, необязательно появление социальных институтов, такую функцию выполняют любые традиции и обряды. Более того, для этого существует феномен образования, ко-

торое предназначено для трансляции человеческого опыта и его последующего воспроизведения. Подчеркну, необязательно института образования, информальное образование не может быть институционализировано в принципе, о чем у нас далее будет подробный разговор, однако же предназначено оно ровно для того же, для чего и любое образование, – для трансляции воспроизводимого опыта.

3. Определение К. Маркса видится слишком общим: человек вне общества существовать не может, иначе говоря, несоциальных форм существования человека просто не бывает. Впрочем, такого рода определения характерны для данного автора, исключением данное определение не является.

4. Что касается определения Т. Веблена о привычном образе существования человека, то оно, опять-таки, представляется слишком широким. Человек всегда живет привычным образом, точнее, человек всегда стремится жить привычным образом, что обусловлено принципом экономии ресурсов – непривычный образ жизни требует слишком много ресурсов, и когда человек попадает в стрессовую ситуацию, то его целью является возвращение к привычному образу жизни. Стресс угрожает существованию человека, и фактически, непривычная ситуация и является таким стрессом. Если она позитивна, человек стремится сделать ее привычной, т. е. стереотипировать ее – превратить в отработанные и известные паттерны поведения, а если негативна, то вернуться к имевшемуся привычному образу жизни. Разговор о привычном и непривычном образе жизни – это предмет отдельной большой дискуссии, однако все же мысль о привычности образа жизни представляется продуктивной, поэтому я подчеркнул данное определение.

5. Что касается отмеченной У. Гамильтоном связи социального института и обычая, то эта мысль также представляется продуктивной, однако весьма неполной. Социальный институт – это не обычай, например, в обществе существует обычай вешать подкову на стену, но никакого отношения к социальным институтам данный обычай не имеет. Есть обычай чистить зубы, он связан с социальным институтом здравоохранения, но, разумеется, таковым не является. Здравоохранение не является чисткой зубов, и если кто-то серьезно будет утверждать подобное, то, могу себе представить, какой ответ он получит.

6. Такие же критические замечания я выскажу относительно определения Д. Норта.

7. Если говорить об определении О. И. Уильямса, связанном с контекстом экономической деятельности, то оно видится не очень понятным. Контекстом экономической деятельности, т. е. той средой, в которой она реализуется, является само общество, а общество не сводится к социальным институтам.

8. Определение, данное Стэнфордской философской энциклопедией, на мой взгляд, не определяет вообще ничего. «Сложившиеся формы организации совместной деятельности людей» – это сообщества. Люди всегда живут в совместной деятельности, это определение вызывает массу вопросов, но очевидно, что почему-то в этой самой «совместной деятельности» выделяют социальные институты.

9. Определение социального института через правила и через принуждение к правилам также представляется неполным, человек часто следует правилу по традиции, точнее говоря, традиция является правилом, никто не принуждает вешать упомянутую выше подкову на стену, хотя это и является правилом, и, вероятно, можно назвать социальный институт, к которому данное правило имеет отношение, например, религия, но религиозный институт, конечно, не сводится к правилу с подковой.

10. Определение Н. М. Коржевой, касающееся того, что люди играют определенные роли, обусловленные их социальными нормами и статусами, на мой взгляд, тоже не передает полностью сущность социального института, так как человек в его жизни играет множество различных ролей. В данном случае следует сказать о том, что социальные институты, безусловно, детерминируют ролевое поведение человека, т. е. показывают, какие роли должен играть человек. Например, социальный институт семьи заставляет человека играть роль отца или матери, а социальный институт образования – роль учителя или ученика. Но социальный институт явно выше, чем те роли, которые он предписывает играть своим членам.

11. Определение Я. Щепаньского является продуктивным, но, опять-таки, неполным, «система учреждений, предназначенных для удовлетворения потребностей людей», – последняя мысль относительно потребностей представляется очень продуктивной. Но социальный институт – это не всегда система

учреждений, например, семью нельзя назвать учреждением. Является ли семья организацией, представляет собой большой и сложный вопрос, который я оставляю специалистам по теории организаций. Но учреждением семья точно не является, какой бы она ни была.

Таким образом, все представленные определения скорее отражают те или иные свойства социальных институтов, и в этом их безусловная ценность. В соответствии с методологией научного исследования существуют два способа дать общее определение сложному явлению. Первый способ – феноменологический, в соответствии с которым перечисляются все свойства явления и все то, что обладает данными свойствами, объявляется этим явлением. Данный путь является хотя и очень пространственным, но внутренне противоречивым, так как определение предназначено для того, чтобы ограничить изучаемое явление от других сходных явлений, и возникает вопрос, как мы будем указывать свойства явления, если мы не имеем его определения, т. е. мы не имеем границ этого явления, ибо указание свойств как раз и предназначено для определения границ. Образуется замкнутый круг. Однако вопрос этот имеет имплицитный (скрытый, не явный) характер, и многими не ощущается. Кроме того, люди ориентируются на их чувство языка, которое указывает им интуитивное понимание значения данного слова, например, мало кто может дать определение слову «любовь», и это действительно очень сложно, что, однако, не мешает людям употреблять его постоянно и очень широко.

Нет, проблема не в этом, она состоит в том, что социальный институт слишком широкое явление, перечислить все его свойства крайне сложно. Как же быть?

Существует второй способ дать определение сложному понятию, – это аналитический (или дедуктивный) способ. Для того чтобы его реализовать, мы должны выделить те общие черты, которые объединяют все имеющиеся виды изучаемого явления. Обозначенный вопрос остается прежним: как классифицировать явление, если мы не имеем его определения? Сделать это можно, используя эмпирические методы исследования, такие как, например, наблюдение. На классификации и основных функциях социальных институтов мы подробнее остановимся в дальнейшем, здесь же используем классификацию, данную

С. С. Новиковой, как мы увидим дальше, все остальные классификации весьма похожи. Автор выделяет следующие виды социальных институтов: *«Экономические – институты, регулирующие движение материальных благ; политические – институты отвечающие за власть; воспроизводства и родства – отвечающие за размножение людей и все, что с этим связано; социально-культурные и воспитательные – те которые отвечают за образование и социализацию людей в обществе; социально-церемониальные – институты описывающие коммуникацию и контакты людей в обществе; религиозные – отвечающие за взаимодействие человека со смертью»* [44].

Нетрудно заметить, что фактически автор пытается описать все сферы человеческой жизни. Классификация жизненных сфер представляет собой увлекательную проблему, у которой множество различных решений. Но здесь нас будет интересовать несколько иное, а именно ответ на вопрос: «Что объединяет все обозначенные автором сферы?» Итак:

1. Каждый из них является частью общества, объединенной определенной сферой. То есть каждый из них представляет собой компонент (или подсистему) человеческого общества.

2. Каждый из них отвечает за определенную сферу бытия человека. Отвечает, значит, несет ответственность, в том числе и юридическую. А юридическую ответственность может нести только формализованная структура, т. е. документально оформленная.

3. Каждая из этих сфер, в свою очередь, имеет системный характер, а значит, обладает собственными целями и функциями, отражающими специализацию данной сферы. Например, специализация института религии, взаимоотношение человека и трансцендентального. А, скажем, экономической – вопросы добычи энергии человеком и циркуляции энергии в обществе.

4. Целью каждой сферы является удовлетворение каких-либо потребностей человека. Например, экономический институт отражает потребность людей в деньгах. А политический – потребность в организованном управлении и безопасности.

Таким образом, наше определение должно отражать системность, формальный характер, цели и удовлетворение потребностей людьми. С учетом сказанного, сформулируем следующее определение социального института: **социальный ин-**

ститут – это формализованная подсистема общества, имеющая собственные цели и функции, предназначенная для удовлетворения каких-либо потребностей личности и принятия субъектами факта удовлетворения этих потребностей.

Хотелось бы подчеркнуть, что для того, чтобы явление стало социальным институтом, должны соблюдаться все обозначенные в определении условия.

Приведу примеры. Является ли институт семьи определенной сферой? Разумеется, он отвечает за сосуществование людей друг с другом и выращивание потомства. Является ли он формальным? Да, является. Мне возразят, что существуют гостевые браки или люди живут вместе долгие годы без оформления брака. Но гостевые браки не признаются обществом браком, в свою очередь, если люди живут вместе пусть и долго, то они чаще всего не имеют друг перед другом каких-либо обязательств. Если в такой семье рождается ребенок, то чаще всего доказать наличие каких-либо обязательств чрезвычайно сложно. С точки зрения общества, такая семья полноценной семьей не является. Является ли семья системой? Да является, в соответствии с изложенным мной в предыдущих работах [86, 87] семья представляет собой типичный социальный симбиоз, где цель каждого участника – способствовать оптимизации жизнедеятельности друг друга. Ну и, наконец, семья, безусловно, предназначена для удовлетворения самых разнообразных потребностей членов семьи. Кроме того, что крайне важно, субъекты данного социального института признают, что он предназначен для удовлетворения потребностей, ради удовлетворения которых он существует. Впоследствии мы увидим, что нередко ситуации, когда при соблюдении всех остальных условий субъекты не готовы признать факт удовлетворения потребностей. Разумеется, один пример не может являться доказательством чего бы то ни было, однако я не вижу примеров, опровергающих данное определение.

1.4. Функции, классификация и структура социальных институтов

1.4.1. Функции социальных институтов

Итак, определение социальных институтов мы дали. Запомним его, ибо возвращаться к нему мы будем не один раз. Следующий вопрос, на котором мы остановимся, – это вопрос о функциях социальных институтов. Для начала я рассмотрю, как они описаны в источниках, а далее выскажу свои соображения по данной проблеме. В отличие от изложенного выше критика представленных концепций будет приводиться мной сразу.

1. И. А. Журавлева пишет: *«В общей теории действия социальные институты выступают и в качестве особых ценностно-нормативных комплексов, регулирующих поведение индивидов, и в качестве устойчивых конфигураций, образующих статусно-ролевую структуру общества»* [24]. В ответ на это можно сказать следующее. Социальные институты, разумеется, влияют на поведение индивидов, но едва ли определяют его полностью. Поведение человека слишком многообразно. И зависит оно в первую очередь от двух факторов, первым из которых являются ценности личности, которые, не вдаваясь в подробности, представляют собой приоритеты личности, т. е. то, что для нее важно, а что неважно. Более детально это объясняется в моих предыдущих исследованиях ценностей [86–90]. Заинтересованный читатель может ознакомиться с ними. И вторым фактором является внешняя среда. Внешняя среда дает импульсы, требующие реакции, а ценности указывают на то, какая реакция может быть использована как ответ на конкретный импульс (раздражение). Социальные институты влияют на формирование ценностей личности и уж тем более на те раздражения, которые требуют ответа, но вряд ли полностью детерминируют и то и другое.

2. Ю. Б. Шубников приводит следующие функции социальных институтов: *«Функция обеспечения стабильности и устойчивости общественных отношений. Функция производства. Функция регулирования (координации) общественной практики. Функция оптимизации общественных отношений. Функция структурирования и систематизации общественных*

отношений» [84]. На наш взгляд, перечисляя все обозначенные функции, автор делает некоторую ошибку, которая заключается в том, что под функцией социальных институтов нужно понимать то, за что отвечает только социальный институт и ничто более. Разумеется, в обществе все взаимосвязано, и социальные институты оказывают влияние на все компоненты общества, но является ли это влияние функцией социальных институтов? Едва ли.

3. Функции, выделенные американским социологом Р. К. Мертоном, он предлагал различать «*“явные” и “скрытые (латентные)”*» *функции социальных институтов*. Не вдаваясь в аргументацию автора и подробное изложение его теории, заметим, что, на наш взгляд, все функции социальных институтов являются скрытыми, да и само понятие социального института носит имплицитный (неявный характер). Когда человек идет в школу, он не обращается к социальному институту образования, когда он обращается к врачу, он не думает: «А вот обращаюсь я к социальному институту здравоохранения». Нет, он просто удовлетворяет свои потребности определенного рода. Понятие социального института – это ментальная работа человеческого ума, в мире не существует вещи, про которую можно сказать, указывая пальцем: «Вот это социальный институт, посмотрите». Нет, поэтому деление функций на скрытые и латентные представляется несколько неоправданным. В этой связи более правильной выглядит мысль С. С. Новиковой о том, что:

4. *«Основной, общей функцией любого социального института является удовлетворение социальных потребностей, ради которых он был создан и существует. Для осуществления этой функции каждому институту приходится выполнять ряд функций, обеспечивающих совместную деятельность людей, стремящихся к удовлетворению потребностей. Это следующие функции: функция закрепления и воспроизводства общественных отношений; регулятивная функция; интегративная функция; транслирующая функция; коммуникативная функция (см. об этом подробнее: [4, с. 19–27; 287, с. 173–175])»* [44]. Возражений против этого у нас нет. Скажем лишь, что, возможно, автор все же несколько путает функции и цели. Целью существования социальных институтов, безусловно, является удовлетворение потребностей людей и общества. Но все же, на мой взгляд,

функция – это то, что требуется конкретно делать для достижения цели. Иначе говоря, функция отражает скорее задачи, нежели цели существования социального феномена.

5. Кроме того, Р. К. Мертон выделяет следующие функции социальных институтов: *«1. Функция закрепления и воспроизводства общественных отношений. 2. Регулятивная функция – это выработанный социальным институтом шаблон поведения, норм и контроля, регулирующий взаимоотношения между членами общества (т. е. социальный институт как элемент социального контроля). 3. Интегративная функция – это процессы сплочения, взаимозависимости и взаимответственности членов социальных групп, происходящие под воздействием институционализированных норм, правил, санкций и систем ролей. 4. Транслирующая функция – это передача социального опыта приходящим в социальный институт новым людям как за счет расширения социальных границ института, так и смены поколений, для этого в каждом институте предусмотрен механизм, позволяющий индивидам социализироваться к его ценностям, нормам и ролям. 5. Коммуникативная функция – это распространение произведенной в институте информации как внутри института с целью управления и контроля за соблюдением норм, так и передача ее при взаимодействии с другими институтами»* [44].

При рассмотрении данных функций обращает на себя внимание тот факт, что фактически автором перечислены все возможные социальные функции. Нельзя отрицать, что социальные институты выполняют все перечисленные функции, но часть данных функций может выполняться и без социальных институтов. Например, коммуникативная функция может осуществляться вне связи с любым социальным институтом. Кроме того, возникает вопрос о том, как понимает автор, что такое социальные институты, видимо, исходя из указанных им функций, очень широко.

6. Высказанная мысль о том, что функции скорее решают задачи, нежели предназначены для достижения целей, находит свое подтверждение в работе С. С. Новиковой [44]. Она, ссылаясь на Я. Щепаньского, пишет: *«Социальные институты, как отмечает Я. Щепаньский, в общественной жизни выполняют следующие функции или задачи: создают возможность индиви-*

дам удовлетворить различные свои потребности; регулируют действие индивидов в рамках социальных отношений, то есть обеспечивают выполнение желаемых действий и осуществляют наказание за совершение нежелательных действий; и поддерживают общественный строй своей системой социальных регуляторов, и осуществляют воспроизводство безличных общественных функций (то есть такие функции, которые выполняются всегда одним и тем же способом, независимо от личных черт и интересов человечества); производят интеграцию стремлений, действий и отношений индивидов и обеспечивают внутреннюю сплоченность общности (см.: [312, с. 106])» [44].

Фактически критика указанных Я. Щепаньским функций уже изложена. Безусловно, все перечисленное является функциями социальных институтов. Но не только их.

7. Подобные классификации приводят и многие наши исследователи, в частности М. С. Мацковский, выделяющий «репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-бытовую, экономическую, сферу первичного социального контроля, сферу духовного общения, социально-статусную, досуговую, эмоциональную и сексуальную функции» [45]. С. Липсет и Д. Ландберг, выделяют функции «Воспроизводство членов общества. Социализации. Производства и распределения. Управления и контроля» [45]. Критика таких концепций остается прежней.

На мой взгляд, проблема состоит в том, что авторы не пытаются вывести основные функции социальных институтов из их определения. Такой подход представляется неверным. Фактически авторы указывают не функции социальных институтов, а функции всего общества, но при всей важности социальных институтов в обществе они все-таки не само общество. Итак, вернемся к данному нами определению, напомним его: социальный институт – это формализованная подсистема общества, имеющая собственные цели и функции, предназначенная для удовлетворения каких-либо потребностей личности и принятия субъектами факта удовлетворения этих потребностей.

Если исходить из представления о том, что функции должны следовать из определения, то социальный институт должен выполнять следующие функции:

1. Формализация жизненных сфер субъектов социального пространства, будь то человек, организация или государство.

Под формализацией мы будем понимать документальное оформление. О формализации мы говорили подробнее несколько выше. Приведем пример. Итак, молодой человек встречается с девушкой. Пара делает это, когда хочет, как хочет, и занимается тем, чем хочет (разумеется, в рамках законодательства государства, впрочем, часто и не обращая на законодательство никакого внимания, ибо зачем оно им, у них любовь). Их отношения являются предельно неформализованными. Для того чтобы исправить это, т. е. отсутствие формализации, какой-то официальный орган должен издать предписание, регламентирующее их встречи, которое укажет им, когда, для чего и что они должны будут делать в процессе их встреч. Произойдет процесс институционализации, и наши влюбленные станут не влюбленными, а просто шестеренками формальной машины (разговор про институционализацию будет очень подробный несколько позднее).

2. Формирование системного характера жизненных сфер. Система отличается от несистемы следующим. Система – это такая общность, которая имеет собственные свойства, которые не сводятся к суммированию свойств членов общности. Приведем еще один пример. Предположим, наша пара влюбленных встречалась, а затем решила оформить брак (лучше бы еще подумали). Пока они встречаются, жизнь каждого протекает независимо друг от друга, у каждого свой быт и особенности одинокой жизни. Что произойдет, когда они поженятся? Они сформируют какой-то свой общий быт, который не будет сводиться ни к быту одного, ни к быту другого. А будет некоторой интегральной характеристикой быта их обоих. Это будет системное качество их семьи как системы.

Заметим, что появится оно в результате того, что их стихийные отношения институционализировались. Подобное когда-то происходило со всеми социальными институтами. Например, с образованием, пока вождь племени передавал секреты розжига огня одному из членов племени – это было их частное дело. То как должны передаваться секреты, кто должен в этом принимать участие – не регламентировалось ничем. Но в какой-то момент процесс стал столь сложен, что потребовалось написать огромное количество указаний и сформировать прочий бюрократический аппарат передачи вышеупомянутых секретов. Образование перестало быть частным делом учителя и ученика и стало обла-

дать системными качествами, одним из которых, в частности, было получение свидетельства о том, что данная личность действительно умеет разводить огонь так, как требуется, и может быть допущена в племя к должности разжигателя огня. До этого никакое свидетельство не требовалось. Достаточно было личного слова учителя или ученика. Об истории вопроса будем подробнее говорить несколько ниже.

3. Развитие ценностей субъектов социального пространства. Казалось бы, про ценности в определении ничего не сказано. Но они автоматически следуют из целей. Опять я вынужден сослаться на свои предыдущие работы [86–90], но нет выхода, пробное доказательство этого утверждения займет слишком много места и отвлечет нас от основного предмета нашего изложения. Тем не менее кое-что скажем. Если ценности – это то, что значимо, то цели – это результат. Таким образом, если мы формируем представление о необходимом результате, то для того, чтобы его достичь, нам необходимо иметь соответствующую систему приоритетов. Вернемся к нашей паре. Допустим, они решили завести ребенка, стало быть, их жизненным приоритетом станет материальное обеспечение будущего ребенка. Институт образования формирует у субъектов представление о значимости образования. Институт права говорит субъектам о важности соблюдения закона и т. д.

4. Удовлетворение потребностей субъектов социального процесса. Эта функция признается всеми исследователями. Действительно, социальные институты удовлетворяют потребности людей, например, в случае нашей пары социальный институт семьи удовлетворяет потребности людей в стабильности репродуктивных отношений, в тепле, уюте и т. д. Институт образования удовлетворяет потребность людей в новом опыте, а институт здравоохранения – их потребность в здоровье. И так далее...

Таким образом, на наш взгляд, социальные институты выполняют четыре основные функции в обществе. Другое дело, что система функций иерархична, и для того, чтобы выполнить эти базовые функции, каждая из них должна выполнить свои функции. Выявление всех функций социальных институтов общества на всех уровнях представляет собой предмет отдельного исследования.

1.4.2. Классификация социальных институтов

Следующим вопросом, о котором мы будем говорить, будет проблема классификации социальных институтов. В целом различные авторы дают разные классификации в зависимости от выбранных оснований. Так, С. С. Новикова выделяет: *«Экономические, политические, воспроизводства и родства, социально-культурные и воспитательные, социально-церемониальные, религиозные институты. Спенсер, на основании своей аналогии между человеком и обществом: продолжающиеся, распределительные, регулируемые. П. Блау выделяет интегративные, дис-трибутивные и организационные институты, положив за основу классификации основную функцию. По сферам деятельности и основным функциям строят свои классификации и российские ученые, например, известны классификации А. А. Радугина и К. А. Радугина, А. П. Лимаренко, И. И. Леймана»* [44] и мн. др.

На мой взгляд, такая постановка вопроса является принципиально неверной, по следующим причинам. Во-первых, классификация должна отражать внутреннюю природу изменчивости явления. Разумеется, социальные институты отвечают за разные жизненные сферы, но в этом и проблема. Это не может быть основанием для классификации, так как один и тот же институт не может отвечать сразу за несколько сфер, здесь нет изменчивости, а значит, и нет основания для классификации. Чтобы пояснить эту мысль, я приведу простой пример. Мы не можем классифицировать стулья по функциям, потому что у стула одна функция – придать телу человека удобное положение за обеденным или рабочим столом. Мы не можем классифицировать термометр по функциям, потому что у термометра одна функция – измерять температуру. Все. Других нет.

Так и здесь, какой смысл классифицировать социальный институт по сферам действия, если каждый отвечает только за одну сферу. Можно перечислить все сферы, за которые отвечают социальные институты, но классификацией это не будет, так как нет изменчивости.

Аналогичная ситуация с функциональными классификациями. Каждый социальный институт выполняет все функции, характерные для социальных институтов. Следовательно, ника-

кого предмета для классификации здесь нет, так как опять нет изменчивости.

В-третьих, нельзя столь сложный феномен, как социальный институт, классифицировать по одному основанию, таких оснований, учитывая сложность явления, по всей видимости, должно быть много, что я и покажу далее. Я потому и не останавливаюсь подробно на рассмотрении существующих классификаций, ибо вижу в них обозначенное мной только что противоречие.

Но как же быть? Неужели нельзя никаким образом классифицировать социальные институты? Разумеется, можно. Общая классификация социальных институтов представлена на рис. 2.

Хочу подчеркнуть, что, несмотря на обилие там различных оснований, вероятно, и она неполная, а вопрос окончательной классификации социальных институтов, скорее всего, является предметом специальной монографии. Тем не менее представленная классификация, на мой взгляд, более или менее полно отражает все многообразие социальных институтов в их вариабельности.

Рис. 2. Классификация социальных институтов

Рассмотрим подробнее данную модель, жирным цветом на ней обозначены основания для классификации.

1. По реальности. Насколько данный социальный институт является реальным, или о его существовании только говорится? По реальности могут быть реальные и декларируемые социальные институты. Реальность, обусловлена способностью социального института выполнять свои функции. Большинство социальных институтов реальные, однако многие интернациональные социальные институты являются декларируемыми, например, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН) или Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Эти организации скорее говорят о выполнении своих функций, нежели реально это делают. Множество политических и социальных институтов имеют декларированный, а не реально существующий характер. Феномен реального и декларируемого рассмотрен нами выше.

2. По сформированности. Насколько полностью данный социальный институт завершил свое формирование, отражает сформированность. По всей видимости, критерием сформированности может служить способность социального института выполнять свои функции, а также признание субъектами того факта, что он выполняет эти функции. По данному основанию можно выделить полные – полностью сформированные институты и неполные – до конца не сформировавшиеся институты. Вероятно, имеет смысл говорить о степени сформированности социального института, дав окончательно сформировавшемуся институту максимальное количество баллов и оценивая остальные в сравнении с данным. Например, социальный институт дистанционного образования сформирован не полностью, то же самое можно говорить об институте гражданского общества. Кроме того, имеет смысл оценивать то, чего не хватает не полностью сформированному социальному институту до полного формирования.

3. По социальной ценности. Это основание отражает, насколько та или иная социальная система считает значимым (важным) тот или иной социальный институт. Социальная значимость института является очень изменяющимся показателем и зависит от множества факторов, в том числе и от конкретных условий окружающей среды. Данный вопрос является предметом отдельного специального исследования. По социальной значимости могут быть институты ценные, сверхценные и нецен-

ные. Например, институт обороноспособности в настоящее время является сверхценным, а 25 лет назад он был неценным. Институт образования декларированно считается сверхценным, но реально он малоценный. Институт здравоохранения с возникновением пандемии превратился из неценного в сверхценный. Скорее всего, показателем социальной ценности социального института является то, сколько материальных ресурсов готово тратить общество на его функционирование.

4. По ригидности. Под ригидностью мы будем понимать способность к изменению. Существуют социальные институты, которые изменяются относительно легко, например, обороноспособности, или тяжело, например, здравоохранение или образование. Но в целом социальные институты – достаточно статичные образования и изменяются тяжело и плохо, так как к их функциям (смотри выше) относятся развитие ценностей социального пространства и поддержание системности, а ценности являются статическими образованиями и изменяются плохо [88].

5. По времени зарождения могут быть институты, существующие очень давно и появившиеся относительно недавно (например, институт информационного общества, относительно недавно появившийся социальный институт, институт промышленного производства также является достаточно новым). А, скажем, институты обороноспособности, образования или политики в том или ином виде сопровождают человечество все его существование.

6. По этапу жизненного цикла. О жизненном цикле социальных институтов я буду говорить несколько ниже. Отметим, что социальный институт, как и любое социальное явление, может быть на стадии зарождения, стабилизации или затухания. Например, социальный институт дистанционного образования находится на стадии зарождения, здравоохранения – на стадии стабилизации, а рабства – затухания, все меньше стран использует рабов в качестве рабочей силы, хотя кое-где это явление еще встречается. Некоторые социальные институты, например, крепостных крестьян или дворян, прекратили свое существование. Скажу также, что диагностика стадии социального института представляет собой серьезную и значимую проблему.

7. По ценности для людей. Здесь очень важная тонкость: не все то, что ценно для общества, одинаково ценно для кон-

кретных людей. Разумеется, сколько людей, столько и предпочтений, но в целом можно говорить о том, что одни социальные институты более важны для людей, а другие – менее. Например, для взрослых людей, не имеющих детей, социальный институт образования практически незначим. Для человека, живущего в сильном, богатом государстве, почти незначим институт политической власти. Для людей преклонного возраста малозначим институт обороны и т. д.

8. По масштабу распространения. Данное основание отражает масштаб действия социального института. По нему можно выделить глобальные, локальные и государственные социальные институты. Например, институт муниципальной власти является локальным, таким же локальным является институт шаманизма. Вопрос о выявлении локальных социальных институтов является одним из предметов социальной географии. Наиболее распространены государственные социальные институты, т. е. институты, действующие внутри отдельной страны: образование, здравоохранение, оборона, промышленность, власть и т. п. К международным социальным институтам можно отнести институты международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ) и транснациональных корпораций.

9. По надежности. Под надежностью мы будем понимать способность противостоять внешним воздействиям, т. е. устойчивость к разрушениям. Большинство социальных институтов достаточно надежные, однако далеко не все. Например, институт демократии в государствах, привыкших существовать в условиях тоталитарных режимов, хотя и существует, но весьма ненадежен, то же самое можно говорить об институтах гражданского общества. А такие институты, как оборона или образование, очень надежны в силу того, что без них просто перестанет существовать само государство. Определение степени надежности социального института также представляет собой очень важную и трудную проблему. Важность этой проблемы обусловлена тем, что от некоторых социальных институтов зависит жизнь людей и социальные институты как таковые, и если эти институты не очень надежные, то возникает угроза жизни людей и существованию социальных систем.

Полное описание классификации социального института можно назвать паспортом социального института. Приведу здесь

пример такого паспорта, правда, без аргументации. Если уважаемый читатель оценит некоторые характеристики института иначе, что же, так тому и быть. Разработка методики оценки каждого основания представляет собой предмет отдельного исследования, я уже указывал это ранее. Возьмем такой социальный институт, как образование. Рассматривать будем ситуацию в современной России, так как для другой страны ситуация может существенно отличаться. Итак:

Социальный институт – образование. 1. Реальный. 2. Полный (полностью сформированный; кроме некоторых видов, например, дистанционного). 3. Социально ценный (обладает средней ценностью для общества). 4. Статичный (изменяется образование очень слабо и плохо). 5. Старый (образование, как социальный институт, появилось давно). 6. Стабильный (находится на стадии стабилизации). 7. Ценный для людей (по большей части для некоторых – нет). 8. Государственный (в разных странах разные образовательные системы). 9. Устойчивый (без образования нет общества) социальный институт. Таким образом, классификация позволила дать полное описание такого социального института, как образование, хотя с аргументацией и более глубокими пояснениями данный паспорт занял бы не одну страницу текста.

1.4.3. Невозможность существования неформальных социальных институтов

Рассматривая классификацию социальных институтов, необходимо обратить особое внимание не следующее. В исследованиях, в том числе и в зарубежных, часто указывается что имеют место формальные и неформальные социальные институты. Дж. Хелмке и С. Левитский писали: *«Мы придерживаемся четвертого подхода, определяя неформальные институты как принятые в обществе, обычно неписанные правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов»* [122]. В источниках можно встретить множество примеров неформальных социальных институтов, таких как дружба, коррупция, любовь, мафия и т. д. Ссылку я в данном случае давать не буду, достаточно набрать в

поисковой системе «пример неформальных социальных институтов», и все будет ясно.

На мой взгляд, такая постановка вопроса представляется неверной. Нельзя относить любое социальное явление к социальным институтам, если это делать, то происходит размытие понятия «социальный институт». Дружба, любовь, мафия, дедовщина или что-либо еще, разумеется, подчиняются каким-либо правилам, но определенным правилам подчиняются любые социальные явления вообще.

Постулирование в качестве критерия существования социального института подчиняемости каким-либо правилам приравнивает понятие «социальный институт» к понятию «социальное явление», а это в корне неверно. Социальные институты представляют собой явления, характеристиками которых являются формализованность, направленная на удовлетворение потребностей людей, и признание людьми факта того, что эти потребности удовлетворяются, о чем и говорит наше определение. Существование неформальных социальных институтов равносильно существованию сухой воды или безалкогольной водки. По вышеприведенным соображениям я категорически отрицаю возможность существования таких институтов и использовать эту концепцию в данной работе (и в любых далее) не буду.

1.4.4. Структура социальных институтов

Одним немаловажных, касающихся социальных институтов, является вопрос об их внутренней структуре. Он плохо и слабо обсуждается в научных исследованиях. Так, в книге «Социология: курс лекций» под редакцией В. А. Михайлова сказано: *«По мнению С. С. Фролова, правильнее говорить не об элементах, входящих в структуру института, а об институциональных признаках, т.е. общих для всех институтов чертах и свойствах. Таковых пять: 1) установки и образцы поведения (например, привязанность, лояльность, ответственность и уважение в семье, послушание, лояльность и субординация в государстве); 2) символические культурные признаки (обручальное кольцо, флаг, герб крест, иконы и др.); 3) утилитарные культурные черты (дом для семьи, общественные здания для государства, магазины и фабрики для производства, учебные*

классы и библиотеки для образования, храмы для религии); 4) устный и письменный кодексы (запреты, правовые гарантии, законы, правила); 5) идеология» [70].

Я буду придерживаться иного мнения по данному вопросу, хотя, конечно, нельзя утверждать, что кто-то другой не высказал какие-либо другие точки зрения. Тем не менее будем ориентироваться на то, что имеем. Но, прежде чем говорить о структуре социальных институтов, сначала, уважаемый читатель, я затрону вопрос структуры как таковой.

Что такое структура? Структура – это скелет, то, из чего состоит и как устроен тот или иной объект. И что же получается, что у социальных институтов нет структуры? Но как было сказано выше, социальные институты – это какие-то системные образования, которые выполняют какие-то функции. Данный факт говорит о том, что структура у социальных институтов есть, ибо не может быть системы, состоящей из ничего, выполняющей какие-то функции. Коль скоро есть система (то есть целостность, состоящая из элементов и связей между ними) и есть функции системы, то, стало быть, есть и структура. Деваться некуда, попробуем эту самую структуру выявить.

И опять мы будем исходить из нашего определения социальных институтов, т. е. наш анализ должен показать нам те элементы, которые дают возможность социальным институтам быть такими, какие они есть. Итак, определение таково: социальный институт – это формализованная подсистема общества, имеющая свои собственные цели и функции, предназначенная для удовлетворения каких-либо потребностей личности, и принятие субъектами факта удовлетворения этих потребностей.

Очень важно понимать, что социальные институты являются надсубъектными феноменами. Отдельная семья, больница, дивизия, школа не являются социальными институтами. Социальные институты – это формальные объединения сходных по целям и функциям сущностей общества. Однако из этого определения напрямую следует структура социальных институтов (рис. 3).

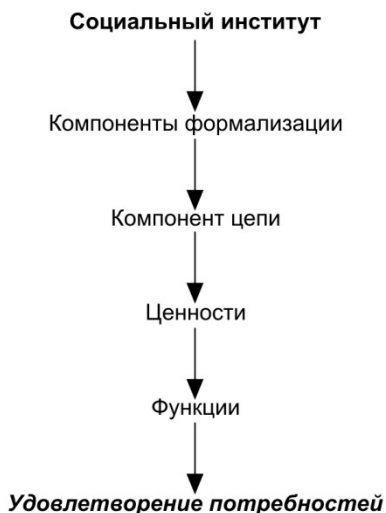

Рис. 3. Структура социальных институтов

Рассмотрим подробно. Социальный институт состоит из четырех взаимосвязанных компонентов, которые, по сути дела, и отражают основные функции социальных институтов.

1. Компонент формализации. Чаще всего он связан с властью и управлением социальным институтом. Характеризуется документальным оформлением правил и законов функционирования социального института. Предназначен для объединения компонентов социального института в систему и обеспечения стабильности функционирования социального института. Фактически этот компонент делает социальный институт социальным институтом.

2. Компонент цели подчиняется компоненту формализации и отражает то, ради чего конкретно функционирует социальный институт. Именно он показывает, какие потребности человека будут удовлетворяться. Например, если речь идет о социальном институте образования, то целью института является создание возможностей получения образования, если о здравоохранении, то целью является возможность вылечить больного и т. д.

3. Компонент ценностей показывает приоритеты данного социального института, то, что для него наиболее значимо. Он зависит от целей, например, если целью является дать гуманитарное образование, то очевидно, что наиболее значимыми ценностями должны быть ценности гуманизма. Данный компонент является необходимой управляющей структурой, предназначенной для достижения целей института. Ибо субъекту свойственно делать то, что значимо (ценно), и не делать то, что незначимо, подробнее об этом – в моих предыдущих работах [86–90].

4. Компонент функций является механизмом достижения целей. По сути, функции – это руки социального института. Функции зависят от всех предыдущих компонентов. Эффективность их выполнения напрямую определяет качество удовлетворения потребностей личности.

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае мы говорим не о функциях любого социального института, рассмотренных нами выше, а о специфических функциях каждого социального института, отражающих те потребности, которые формирует конкретный социальный институт. Например, институт образования обладает функциями воспитания, обучения, профессионального обучения и т. д., которые в совокупности удовлетворяют потребность людей в образовании.

Кроме того, структурно социальные институты представляют собой сложную систему, состоящую из различных входящих друг в друга подсистем. Феномен этот описан в литературе плохо, хотя и просматривается при изучении исследований, но имплицитно, неясно. Между тем как он очень важен. Здесь необходимо определить границы, т. е. самые крупные и самые мелкие единицы социальных институтов. Принципиально речь идет об иерархических системах, похожих на биологические.

Полное структурное описание социального института, т. е. тех социальных институтов, которые входят в рассматриваемый нами социальный институт, представляет собой проблему отдельных дисциплин и должно быть выполнено ими. Причем сложные социальные институты включают в себя социальные институты, выделенные по различным основаниям. Пример социального института образования приводится на рис. 4.

Социальный институт образования

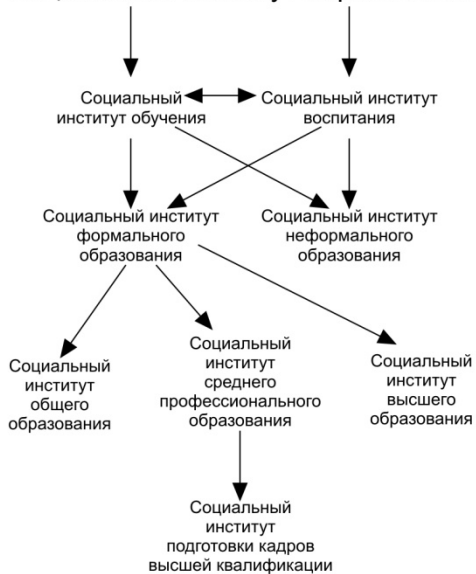

Рис. 4. Социальный институт образования

Данная модель представляется достаточно ясной. Фактически, как можно видеть, критерием выделения социальных институтов является соответствие социальной структуры представленному выше определению. Там, где социальная структура соответствует всем пунктам определения, можно выделять отдельный социальный институт внутри более крупных групп социальных институтов.

Говоря об образовании, нельзя не отметить, что, кроме обозначенного на модели, скорее всего, можно выделять социальные институты групп профессий, например, социальный институт медицинского образования. Такое возможно, так как медицинское образование существует по своим особым формально зафиксированным правилам, отличным от правил других видов образования, имеет собственные цели и предназначено для удовлетворения специальных потребностей людей, в частности потребности в милосердии и помощи. Такое образование фактически позволяет реализовать потребность людей в наличии

знаний, умений и навыков, связанных с помощью другим людям. Поэтому, на мой взгляд, в ряде случаев можно выделять социальные институты подготовки в группах профессий.

Кроме того, типичным примером не полностью институционализированного социального института, который оказывает огромное влияние на общество, является институт научного руководства. Станет ли научное руководство полностью институционализированным социальным институтом, до конца не ясно. Помимо этого, вероятно, можно выделить отдельно социальные институты субъектов образования: организаторов образования, обучающихся и обучаемых. Все это вопросы, требующие дополнительных специальных исследований.

1.5. Социальные институты: явление и процесс. Жизненный цикл социального института

Ранее мы рассматривали сущность социальных институтов как завершенных социальных явлений так, как будто социальный институт был всегда и остается постоянным и неизменным. В известном смысле любой автор, описывающий любые социальные явления, должен поступать таким образом, несколько уводя читателя от истины. Что же поделать, у нас нет иного выхода, кроме как рассмотрение любой сложной системы аналитично, это вступает в противоречие с самим законом целостности системы, так и здесь невозможно рассмотреть все явление сразу, с чего-то мы должны начинать и чем-то заканчивать, таковы законы вербального языка, которым я вынужден пользоваться, говоря о сложном мире социальных институтов.

Существует и другой способ познания, а именно познание через чувствование и переживание, но при его использовании все останется крайне неопределенным, хотя, быть может, и, как ни парадоксально, более ясным, и уж точно не потребуются тексты вообще. Итак, оставаясь в рамках тех законов, которые предлагает нам используемый нами инструмент, а именно упомянутый выше вербальный язык, мы должны уточнить природу и суть социальных институтов, рассмотрев их не только как постоянное социальное явление, но и как процесс, т. е. как динамическую систему.

О том, что социальный институт не остается постоянным, мы говорили выше. В частности, когда рассматривали полностью и не полностью сформированные социальные институты. О динамическом характере социальных институтов говорит множество источников. О дисфункции социальных институтов, ссылаясь на множество источников, пишет, в частности, С. С. Новикова [44]. С. А. Левков и К. С. Михайлова связывают процесс утраты тех или иных функций социальных институтов с трансформациями общества [37]. Об изменении социальных систем С. С. Новикова пишет следующее: *«Нарушение данного процесса порождает дисфункцию социальных институтов. Как уже отмечалось ранее, главной функцией социального института является удовлетворение той или иной общественной потребности. Но с течением времени протекающие в обществе процессы изменяют потребности как отдельных индивидов, так и целых социальных общностей, что, в свою очередь, меняет характер отношений социальных институтов с социальной средой. Система социальных институтов подвергается наибольшей деформации во времена быстрых социальных перемен или революций. Перед многими традиционными институтами встает дилемма: или полностью прекращать свою деятельность, или адаптироваться к решению новых задач. Переорганизация или формирование новых социальных институтов на основе новых социальных норм, ценностей и отношений требуют длительных временных периодов, так как нельзя быстро сформировать новые стандарты поведения, быстро изменить сознание и психологию людей. Это приводит к тому, что людям приходится сталкиваться с серьезными трудностями при поддержании общественного порядка в традиционных областях жизнедеятельности, возникающими из-за неурегулированности вновь возникающих социальных отношений. Такие переходные периоды общества, связанные с дезорганизацией традиционных институтов, Э. Дюркгейм назвал аномией»* [44].

В свою очередь, Л. Р. Муртазина утверждает: *«Таким образом, развитие социального института, на наш взгляд, – это запланированные, последовательные, поэтапные изменения института в целом и его структурных элементов в пределах одной институциональной формы. Вопрос о том, какие факторы являются причинами социальных изменений, считается одним*

из наиболее сложных и дискуссионных, о чем свидетельствует широкий разброс мнений среди социологов прошлого и настоящего. Сфокусируем данную теоретическую проблему на социальный институт. О. Конт считал решающим фактором эволюционных изменений прогресс в научных знаниях; Г. Спенсер видел причины изменений социальных институтов в усложнении и усилении дифференциации общества [2, с. 137–141; Э. Дюркгейм в качестве решающих факторов эволюции социальных институтов выделял разделение труда и социальную дифференциацию. Марксистская концепция изменения общественных систем акцентирует внимание на внутренних силах или внутренних противоречиях структуры, обуславливающих в конечном счете полную самотрансформацию общества. М. Вебер в качестве основного фактора институционального развития выделяет идею прогрессирующей рациональности: рациональная экономика, рациональная религия, рациональное право и управление, рациональное денежное обращение, рациональное поведение в хозяйственной сфере, по его мнению, позволяют добиться максимальной экономической эффективности [6, с. 35]. По мнению А. Тойнби, зарождение, развитие и упадок социальных систем происходит в результате взаимодействия двух основных факторов: влияния окружающей природной и социальной среды (“вызов”), способности и возможности общества находить адекватные ответы на каждый очередной вызов [7, с. 238–244]. Таким образом, социальный институт существует, пока он способен находить адекватные ответы на каждый очередной социальный “вызов” [44].

Очень важной видится идея, высказанная еще Г. Спенсером. Он считал основным фактором развития социальных институтов борьбу (войну) за существование с соседними сообществами и окружающей средой. Г. Спенсер писал: «В государстве, как и в живом теле, неизбежно возникает регулирующая система... При формировании более прочного сообщества появляются высшие центры регулирования и подчиненные центры» [155]. Эта мысль соответствует взглядам, изложенным в предыдущих работах [86–90]. Именно так мы и понимаем войну [87]. И так далее, более цитировать не буду, заинтересованный читатель может обратиться к источникам, указанным в списке литературы, большинство из них есть в Сети.

Выскажем наш взгляд на социальный институт как процесс.

Во-первых, нельзя согласиться с тем, что развитие социального института – целенаправленный процесс. Нет, чаще всего этот процесс носит стихийный характер в силу того, что, как сказано выше, он обусловлен социальными трансформациями, а их редко кто-то планирует заранее и уж тем более редко реализует так, как запланировано. Даже планируемые изменения социальных институтов почти никогда не приводят к намеченным результатам. Наглядно и жестко это продемонстрировано в бесконечных реформах образования в Российской Федерации.

Во-вторых, почему вообще происходит трансформация социальных институтов? Несмотря на обилие возможных ответов в источниках, на наш взгляд, такая ситуация связана со вторым законом термодинамики, согласно которому: *«Теплота не может переходить самопроизвольно от менее нагретого тела к более нагретому»* [17]. Именно этот факт обуславливает то, что все в мире подвергается постоянным изменениям.

В-третьих, правомерно говорить о жизненном цикле социального института. Понятие жизненного цикла также прослеживается в исследованиях, однако конкретного описания жизненного цикла социального института там не дано. Прежде чем говорить об этом подробно, сделаем очень важное замечание. Процесс институционализации, как процесс формирования социального института, о котором мы будем подробно говорить далее, на мой взгляд, в жизненный цикл социального института включать нельзя. Включать процесс институционализации в жизненный цикл социального института равносильно тому, что включать период вынашивания ребенка в историю его жизни. Другое дело, что в отличие от ребенка зафиксировать факт появления социального института существенно сложнее.

Итак, рассмотрим жизненный цикл социального института подробнее.

1. Любой жизненный цикл чего бы то ни было и кого бы то ни было представляет собой процесс существования феномена от его появления до его разрушения, от рождения до смерти.

2. Любой жизненный цикл представляет собой три последовательные фазы: становление, активное существование, угасание. Некоторые авторы включают в жизненный цикл также

рождение и смерть. Этот вопрос кажется нам непринципиальным. Рассмотрим подробнее.

1. Рождение. Установить факт того, что социальный институт действительно появился, можно по трем критериям. Первый из них – формализация появившегося социального феномена, второй – принятие социального феномена субъектами, третий – удовлетворение социальным феноменом потребностей субъектов. Если все это произошло, значит, социальный институт сформировался.

Об этом подробнее смотрите далее. Формирование новых социальных институтов происходит под влиянием изменения среды, точнее, в результате появления в среде новых, до этого не существовавших факторов. Например, формирование института демократии произошло в 1990-х гг. в России под влиянием перестройки, а формирование института дистанционного обучения произошло под влиянием появления современных информационных технологий, которых раньше не было.

Процесс рождения новых социальных институтов, скорее всего, связан с тем, какую ценность приобретает новый феномен в обществе, насколько общество готово отказаться от этого феномена. Значимость ценности я в своих прошлых работах [86–90] определяю именно как возможность отказаться от явления. Ибо в самом деле мы легко отказываемся от того, что неважно, и тяжело отказываемся от того, что важно. Вплоть до того, что мы лучше выберем смерть, чем отказ от этого феномена. История суицидов и войн кровью подтверждает правильность сказанных слов. Для людей (и организаций) необходимость отказа от феномена была важнее, чем сама жизнь. Например, люди в массовом порядке жертвовали свои жизни за родину, она для них была более значима, чем жизнь, и люди предпочитали отказаться от жизни, чем от родины. В этом, кстати, и кроется феномен патриотизма, но это уже совсем другой разговор.

Итак, если появляется какое-либо новое социальное явление, которое быстро становится весьма значимым, то происходит быстрое принятие его субъектами, и коль скоро он значим, то удовлетворяет какие-то значимые потребности субъекта (институт рождается быстро). Если значимость феномена невысока, то тогда рождение института может происходить долго.

2. Становление. Становление – это процесс укрепления социального института, повышения его социальной ценности. Процесс этот крайне неоднородный, он может сопровождаться падениями и взлетами, изменяться. Продолжительность этой фазы может быть как очень долгой, так и очень короткой, в зависимости от специфики социального института. Например, становление социального института науки происходило достаточно долго, а уже упомянутого дистанционного образования очень быстро. В целом можно говорить о том, что скорость изменения социальных институтов, как и всего общества, в XX в. серьезно ускорилась.

3. Фаза стабилизации. Очевидно, нельзя провести определенную границу между фазами становления и стабилизации. Становление постепенно переходит в стабилизацию, в которой социальный институт может существовать неограниченно долго. Критерием перехода социального института в фазу стабилизации являются прекращение повышения ценности социального института и отсутствие видимой тенденции понижения его ценности. Неограниченность продолжительности стабилизационной фазы существования социального института определяется ценностью этого социального института. Например, образование или здравоохранение как социальные институты существуют неограниченно долго, поскольку люди нуждаются в удовлетворении потребностей, которые эти институты предназначены удовлетворять. Ценность этих институтов остается более или менее постоянной, хотя и может изменяться во времени в связи с появлением новых условий. Так, пандемия COVID-19 повысила ценность такого института, как здравоохранение, а ориентация власти на построение независимого от внешнего мира общества может повысить ценность профессионального образования и тем самым изменить продолжительность стабилизационной фазы данного социального института, так как общество станет больше нуждаться в специалистах с профессиональным образованием. Одним словом, однородность фазы стабилизации весьма условная.

4. Фаза угасания. Данная фаза характеризуется понижением ценности социального института. Очень хорошо можно было наблюдать эту фазу на примере института царизма в России. Постепенно значимость царя понижалась, пока в результате Великой Октябрьской социалистической революции не исчезла

совсем. Фаза может протекать быстро или медленно в зависимости от конкретной ситуации. Так, такой институт, как дворянство, претерпел процесс долгого угасания, а существовавший ранее институт бояр исчез за относительно короткое время (фактически был ликвидирован Петром I). Фаза угасания также совершенно неоднородная. Ценность того или иного социального института может существенно меняться, то повышаясь, то понижаясь со временем.

5. Смерть. Смерть социального института может происходить в результате эволюционных причин, с исчезновением определенных потребностей в обществе. Например, такое происходило с институтом писцов, который медленно заменялся институтом книгопечатания, или как следствие революционных причин, например, институт дворянства исчез мгновенно в результате Великой Октябрьской социалистической революции. При этом, и это важно, некоторые социальные институты могут возрождаться после их кажущейся окончательной смерти. Так, например, уничтоженный революцией институт офицерства был возрожден в Советском Союзе, а уничтоженный диктаторским режимом институт демократии может быть возрожден после падения режима, исторических примеров чему можно привести великое множество. Смерть социального института суть показатель снижения его значимости до нуля. Хотя и после этого социальный институт может некоторое время существовать по инерции.

Заканчивая разговор о жизненном цикле социального института, нужно сделать два замечания. Первое – показателем принадлежности социального института к той или иной фазе жизненного цикла, очевидно, является уровень ценности (значимости, важности) данного института. И второе – возрождение социального института, очевидно, возможно в результате возрождения значимости (ценности) социального института. Таким образом, значимость ценности выступает как индикатор фазы жизненного цикла социального института, с одной стороны, и как регуляторный механизм изменения этой фазы – с другой.

1.6. Появление социальных институтов. Историко-аксиологический анализ

1.6.1. Принцип экономии энергии в обществе. Социальные институты как средство экономии социальной энергии

Одним из основополагающих принципов функционирования человека и общества является принцип экономии энергии. Данный принцип я бы сформулировал следующим образом: любой способный к поведению социальный субъект, будь то человек, организация, социальный институт или что-то еще, действует таким образом, чтобы потратить минимум энергии в его субъективном понимании минимума. Последняя мысль представляется крайне важной. Социальная энергия, которую можно еще называть ресурсами, и, на мой взгляд, это не будет ошибкой, – величина субъективная. Это означает, что-то количество ресурсов, которое тратится на определенное действие, кажется большим со стороны внешнего наблюдателя, может быть совершенно незначительным для самого действующего лица. Например, выполнение операции удаления аппендицита кажется требующей значительного количества затрат энергии, но у профессионального хирурга большого количества энергии она не потребует. Или, скажем, действия по вытаскиванию гайки, кажутся значительными с точки зрения энергозатрат стороннему наблюдателю, но совершенно невысокими для профессионального токаря.

По сути, всякая специализация и профессионализация предназначены для уменьшения энергозатрат за единицу времени. В экономике этот показатель называется эффективностью. Данная точка зрения хорошо согласуется с тем, что было отмечено в источниках так: Г. Зиммель писал: *«Во всяком восходящем развитии в ряду организмов можно усмотреть господствующую тенденцию к экономии сил. Более развитое существо отличается от низшего своей способностью выполнять, с одной стороны, те же функции, что и низшее, а с другой – и еще некоторые. Возможно, конечно, что существо это располагает более богатыми источниками сил. Но если предположить, что у обоих источники силы одинаковы, то оно достигает большего успеха в целесообразной деятельности благодаря*

тому, что может отправлять низшие функции с меньшей затратой сил и таким образом получать силы для отправления еще и других функций; экономия сил есть условие для их траты. Эволюционное преимущество дифференциации может быть охарактеризовано почти во всех указанных направлениях как экономия сил» [26]. И далее: «Так, большое государство с единообразным управлением нуждается в большом составе чиновников, организованном до мелочей по принципу разделения труда; но при помощи такой значительной затраты сил, которая нужна ему ввиду его единообразия и дифференциации, оно выполняет сравнительно гораздо больше, чем было бы выполнено в том случае, если бы та же территория распалась бы на много небольших государственных единиц, из которых каждая в отдельности не нуждалась бы в высокодифференцированном правительственном механизме» [26]. Вообще, надо отметить, что в его работе есть множество подтверждений того, что социальная дифференциация влияет на экономию энергии. В Сети данная работа есть, и я рекомендую уважаемому читателю с ней ознакомиться.

Сказанное выше также хорошо коррелирует с тем, что сказано в уже упоминавшемся исследовании Дж. Гудолл: «Шимпанзе в природе: поведение». Она пишет: «Как уже упоминалось, принцип доминирования выгоден не только для А, который расходует минимум усилий, но и для Б: вместо того чтобы растрачивать энергию в схватке, которую он скорее всего проиграет, он попросту уходит и отыскивает пищу в другом месте» [17].

Все сказанное касается не только социальных систем, но и человека, по сути, одной из функций ценностей и стереотипов поведения также является экономия энергии, ибо, в самом деле, что легче сделать, то, что ты повторял много раз, или же то, что ты делаешь впервые? Казалось бы, причем тут ценности? Подробный ответ я даю в своих предыдущих работах [86–90], здесь же отмечу, что ценности являются приоритетами, на основе которых делается выбор, что лучше установить приоритет по отношению к конкретному феномену один раз, чем устанавливать его каждый раз заново. Энергетически мужчине эффективнее один раз решить, что он любит женщину, и она является для

него высокой ценностью, чем каждый раз, вступая с ней в общение, определять, какую ценность она занимает в его жизни.

Все это кажется весьма правдоподобным, но возникает другой вопрос: причем тут социальные институты? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к нашему определению, с одной стороны, и к представлениям о формализации, с другой стороны. Напомню еще раз, но прежде подчеркну, что я повторяю определение социальных институтов не для того, чтобы показать, какое оно хорошее, а чтобы уважаемый читатель не искал его сам, теряя мысль. Итак, социальный институт – это формализованная подсистема общества, имеющая свои собственные цели и функции, предназначенная для удовлетворения каких-либо потребностей личности и принятия субъектами факта удовлетворения этих потребностей. «Формализация представляет собой организацию и результат какого-либо процесса в соответствии с жестко установленными, четкими и определенными заранее требованиями» [26].

Таким образом, социальный институт, по сути, представляет собой один из вариантов социальной дифференциации общества, а одной из функций социальной дифференциации, как это было показано в работе Г. Зиммеля, является экономия энергии [26]. Четкие правила представляют собой социальные стереотипы. Эти правила суть формальные ценности общества. Они также предназначены для экономии энергии.

Что потребует от судьи больших затрат энергии: воспользоваться уже готовым законом или же каждый раз определять меру наказания самостоятельно, не имея готовых решений? Институт права, видимо, и возникает как стереотипизация прецедентов, т. е. когда под одни и те же случаи подводились и письменно оформлялись одни и те же наказания.

Точно по такому же принципу возникают и другие социальные институты. Об этом подробнее – далее. Социальные институты есть суть специализированная стереотипизация сфер человеческой жизни. Они являются очень эффективным механизмом экономии энергии, поэтому столь распространены, общество не может существовать без них. Разделение на социальные институты дает возможность экономить энергию, потому что позволяет сосредоточивать энергию на специализированных функциях общества.

1.7. Взаимодействие социальных институтов друг с другом

Еще одним вопросом, который необходимо рассмотреть, является вопрос о взаимодействии социальных институтов друг с другом. Проблема социального взаимодействия широко обсуждается в научных исследованиях. Так, Г. И. Козырев пишет: *«Сущность социального взаимодействия заключается в том, что лишь во взаимодействии с другими людьми человек может удовлетворить подавляющее большинство своих потребностей, интересов, ценностей. Да и само по себе взаимодействие является основной жизненной потребностью человека. В процессе взаимодействия происходит обмен информацией, знаниями, опытом, материальными, духовными и иными ценностями; индивид (группа) определяет свою позицию относительно других, свое место (статус) в социальной структуре, свои социальные роли. Роль, в свою очередь, предписывает индивиду определенные образцы поведения и делает взаимодействие предсказуемым. Сама социальная структура, социальные отношения и социальные институты являются результатом различных видов и форм социального взаимодействия»* [31].

На экологический характер любого социального взаимодействия указывают другие авторы. Так, например, О. А. Врублевская пишет: *«Выделяются также два типа социального взаимодействия: сотрудничество и соперничество. Сотрудничество предполагает наличие общих, совместных целей. Оно проявляется во множестве конкретных взаимоотношений между людьми (деловое партнерство, политический альянс, торговый союз, движение солидарности и т. д.) и строится на основе взаимоподдержки, взаимопомощи, признательности, уважения, стремления учитывать интересы партнера. Особой формой сотрудничества является кооперация, основу которой составляет социальный обмен услугами – материально-хозяйственными, интеллектуальными, образовательными, управленческими и др. Соперничество предполагает наличие единого неделимого объекта притязаний субъектов взаимодействия (авторитет, голоса избирателей, территория, властные полномочия и т. д.). Оно характеризуется стремлением опередить, отстранить, подчинить или уничтожить соперника. Соперничество может принимать вид конкуренции*

и конфликта. Конкуренция – это соперничество, при котором субъекты взаимодействия пытаются только опередить друг друга (например, предложить более качественный или дешевый товар). Конкуренция необязательно знание конкретного соперника (например, участие в творческом конкурсе, спортивных соревнованиях и т. д.). Даже если соперник известен, то главное – добиться лучших результатов на данном поприще. Конфликт – это всегда прямое столкновение соперников. В отличие от конкуренции для конфликта характерны знание соперника и ожидание ответных действий с его стороны. Рассматривая сотрудничество и соперничество как основные типы социального взаимодействия, современная социология избегает крайностей в их оценке. Так, конфликтологи Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер, Д. Локвуд признавали пользу соперничества и рассматривали конфликты как источник развития системы социальных взаимодействий» [15]. С. В. Путимцев добавляет: «На базе этого представляется возможным выделить два вида социального взаимодействия: кооперация и конкуренция. Сущностью кооперации является организация разрозненных сил, взаимодействующих в совместной деятельности, где характерно выделяются индивидуальный вклад и степень включенности взаимодействующих в сам процесс взаимодействия. Сущностью конкуренции будет форма продуктивного или отрицательного взаимодействия посредством противоборства за цели и интересы, их отстаивание в процессе развития совместной деятельности. Данный тип характерен для воззрений таких социологов, как Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг, выделявших категорию конфликта в качестве этапа предельного обострения противоречий между участниками взаимодействия. Причем речь идет об обострении осознанных противоречий, так как не всякое противоречие вызывает конфликт» [59].

Во всех этих фрагментах поражает то ли нежелание видеть определенные очевидные вещи, то ли незнание этих вещей авторами. То, что они указывают как способ взаимодействия социальных институтов, в экологии и теории эволюции называется борьбой за существование. А конкретные способы этого взаимодействия называются типами взаимоотношений между организмами. Из общей экологии известно, что таких типов го-

раздо больше, чем указанных ранее. Подробно этот вопрос рассмотрен в наших предыдущих работах [86–90].

Для своего существования социальные институты также требуют ресурсов, как и все другие социальные структуры. Материальным источником существования социальных институтов, как правило, является государство (не всегда так, например, институт гражданского общества может финансироваться общественными организациями). Институты находятся в конкурентной борьбе между собой за финансовые ресурсы, которая является борьбой за существование. Таким образом, часть деятельности социальных институтов посвящена не достижению их непосредственных целей, а борьбе за существование с другими институтами, и это в значительной мере объясняет низкую эффективность их функционирования.

По всей видимости, здесь работает следующая закономерность: чем большая часть социального института посвящена борьбе за существование с другими социальными институтами, тем, по всей вероятности, ниже эффективность работы социального института, потому что тем больше ресурсов института задействуются не для достижения цели, а для того, чтобы добыть ресурсы для достижения цели.

Вероятнее всего, в процессе взаимодействия социальных институтов друг с другом задействованы все девять типов отношений биологических систем друг с другом, описанных в литературе по экологии и в наших предыдущих работах [86–90], в которой рассматривается, как эти девять типов работают в обществе [87].

1.8. Общая история появления социальных институтов

История появления социальных институтов подробно описана в монографии С. С. Новиковой «Социология: история, основы, институционализация в России» [44]. Заинтересованный читатель может с ней ознакомиться подробнее, в Сети она есть. Здесь же хотелось бы поспорить с автором и изложить свою точку зрения по данному вопросу. С. С. Новикова пишет: *«Зарождение системы социальных институтов началось в период разложения первобытнообщинного строя и было связано с процессом общественного разделения труда. Разделение труда*

привело к появлению и развитию частной собственности, которая, в свою очередь, привела к разделению общества на классы, что и обусловило необходимость появления таких социальных институтов, основной функцией которых было осуществление классовых интересов и потребностей, охрана существующего социального порядка» [44].

На наш взгляд, зарождение социальных институтов связано с появлением в природе иерархически организованных сообществ. Дж. Гудолл связывает успех в иерархии с возможностью устанавливать (искать) социальные связи союзников... [17]. Очень сложные взаимоотношения у волков описывает Ф. Моуэт в своей замечательной художественной книге «Не кричи: “Волки!”» [42]. На мой взгляд, чтобы понять истоки происхождения социальных институтов, нужно опять рассмотреть их определение. Еще раз напомним, социальный институт – это формализованная подсистема общества, имеющая свои собственные цели и функции, предназначенная для удовлетворения каких-либо потребностей личности и принятия субъектами факта удовлетворения этих потребностей.

Если мы принимаем это определение, а мы его принимаем, то для того чтобы ответить на вопрос о времени происхождения социальных институтов, нужно сначала ответить на вопрос о происхождении всех трех их компонентов.

1. Формализация, четкие правила нужны тогда, когда существует потребность специализации и слаженного действия, предназначенного для достижения цели. Это необходимо при организации общего нападения или общей защиты, что может быть характерно как для высших хищников, например, волков или львов, которые охотятся стаями, так и для травоядных, которые обладают функциями стайной защиты, например, буйволов. В случае животных имеет место быть невербальная формализация.

2. Наличие своих собственных целей и функций. Целями существования сообщества являются сохранение и поддержание самого сообщества, не каждого его члена, а всего сообщества полностью. Основными функциями в данном случае будут общая охота или защита. То есть добыча средств к существованию или поддержание безопасности. Кроме того, у целого ряда видов имеет место совместное выращивание потомства, например, в том

случае если умирает волчица, заботу о маленьких волчатах берут на себя другие волчицы, во всяком случае, именно так пишет, Ф. Моуэт [42], встречал я упоминание о такой форме поведения и в других источниках.

3. Удовлетворение потребностей. Все обозначенные функции предназначены для удовлетворения базовых потребностей сообщества, а именно: питание, размножение и безопасность. И все эти функции существуют в сообществе совместно. Фактически именно они формируют наиболее значимые ценности сообществ. Таким образом, можно говорить о том, что наличие социальных институтов является свойством сложных сообществ организмов. Имеются ли социальные институты у насекомых, я говорить не могу, вследствие того, что плохо знаком со структурой их сообществ, но сложнейшие иерархически организованные сообщества у некоторых насекомых, например, муравьев или пчел, есть. По всей видимости, имеют место там и зачатки социальных институтов.

С появлением сложных сообществ, появляется необходимость социальной дифференциации, а она приводит к формальному закреплению дифференцированных структур, которые, по сути, и являются социальными институтами. Например, когда в сообществах возникает потребность в том, чтобы кто-то постоянно занимался защитой сообщества, появляется институт воинов.

Институт власти появился еще раньше, вожди были даже у первобытнообщинных племен, более того, имеются они и у сложных сообществ животных. Можно сформулировать следующую закономерность: чем выше уровень социальной дифференциации общества, тем больше в нем социальных институтов. Принципиально любая новая социальная структура в своем развитии стремится к тому, чтобы стать социальным институтом, т. е., появляясь, новая социальная структура включается в процесс институционализации, а отмирая, проходит процесс деинституционализации.

Как мы увидим в дальнейшем, наличие формального статуса гарантирует социальной структуре определенную стабильность, в то время как если социального статуса нет, то она более подвержена разрушению и элиминации.

Часть 2

ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

В ч. 2 рассмотрен процесс институционализации, его определение, классификация и сущность, а также прикладные следствия институционализации и принципы институционального анализа, рассмотрены отрицательные следствия институционализации. Проанализирован процесс деинституционализации.

2.1. Определение и классификация институционализации

2.1.1. Определение институционализации

Одним из наиболее связанных с социальными институтами процессов, является процесс институционализации. Прежде чем перейти к нашему пониманию непосредственно самого процесса, рассмотрим имеющиеся определения. В. И. Андрияш указывает: *«В научной литературе проблема институционализации рассматривается в различных аспектах и имеет весьма размытое значение, вплоть до своеобразного синонима демократизации. Прежде всего, необходимо отметить, что термин “институционализация” довольно часто отождествляется с термином “институционализация”»,* поэтому оправданным будет ссылка, по мнению А. Колодий, которая зафиксировала их родство и важность использования более простого первого варианта, утверждая, что понятие “институционализация” понимается как «нормативно-правовое урегулирование компетенций органов государственной власти» [20]» [3].

О наличии двух терминов я писал в предисловии. Как видим, изложенное там мнение соответствует тому, что высказывается в научном мире. В свою очередь, Н. В. Попазов пишет: *«Институционализация чаще всего понимается как процесс упорядочения и формализации социальных связей и отношений.*

На практике это предполагает определение и закрепление социальных норм, правил, статусов и ролей и приведение их в систему, способную удовлетворять социально значимые потребности. Иными словами, речь идет о создании социального института как устойчивой, нормативно закреплённой формы социального взаимодействия людей социальной организации общества. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман [2], институционализации предшествует процесс хабитуализации, или “опривычивания”, повседневных действий, приводящий к формированию образцов деятельности, которые в дальнейшем воспринимаются как естественные и нормальные для данного рода занятий или решения типичных в данных ситуациях проблем. Образцы действий выступают, в свою очередь, основой для формирования социальных институтов, которые описываются в виде объективных социальных фактов и воспринимаются наблюдателем как “социальная реальность” (или социальная структура)....» [57].

Наша точка зрения состоит в том, что понятие «институционализация» нужно выводить из понятия «социальный институт». В буквальном смысле **институционализация – это становление социального явления до уровня социального института**. В свою очередь, зная определение социального института, а мы его знаем, можно дать более детальную дефиницию и понятию «институционализации». В соответствии с **ним институционализация представляет собой процесс, приводящий к формализации социального явления, имеющего свои цели и функции, предназначенные для удовлетворения каких-либо потребностей социальных субъектов, и принятие этими субъектами факта удовлетворения этих потребностей**. На последней фразе надо остановиться особо.

Окончательная институционализация происходит тогда и только тогда, когда сам факт того, что их потребности удовлетворяют, признают те, чьи потребности предназначено удовлетворять то или иное социальное явление. Например, дистанционное образование будет полностью институционализировано только тогда, когда его признают легитимным все субъекты образовательного процесса, а именно: преподаватели, ученики, родители и администрация образовательных организаций.

2.1.2. Классификация институционализации

Рассматривая классификацию институционализации, необходимо отметить следующее. Литература об этом отсутствует полностью. Общепринятым считается, что есть процесс институционализации как таковой. Между тем, на мой взгляд, не все так просто. Общая классификация институционализации приведена на рис. 5.

Рис. 5. Общая классификация институционализации

Во-первых, как и практически любое социальное явление, институционализация может быть формальной, декларированной и реальной. Формальная институционализация подразумевает наличие только формальной структуры, при этом удовлетворение потребностей субъектов может и не происходить, а цели и функции будут сформированы нечетко.

Декларированная институционализация – это ситуация, при которой в обществе объявлено о наличии в нем данного социального института, а на самом деле нет ни формальных структур, ни четко сформированных функций, ни (особенно) удовлетворения потребностей социальных субъектов.

Реальная институционализация – это ситуация, когда процесс институционализации действительно происходит, идет формирование формальных структур, целей, функций и удовлетворение потребностей субъектов.

Кроме того, институционализацию можно различать по степени ее реализации. Может быть начальная стадия институ-

ционализации, когда начинаются институционализационные процессы, такая стадия может быть выражена разными проявлениями. В частности, могут появляться первые документы, регламентирующие социальный процесс, или новый социальный процесс начинает выполнять какие-либо новые функции. Все это мы могли видеть в развитии сети Интернет.

Может быть средняя фаза, когда документальное оформление уже полностью завершено, но отсутствует принятие явления кем-либо из субъектов (например, это дистанционное образование (ДО)).

И может быть конечная фаза институционализации и начальная фаза существования социального института. То есть процесс институционализации будет завершен. Пример такой институционализации привести сложно в силу того, что наличие этой фазы можно наблюдать много позже, чем она наступила. В любом случае с нее и начинается тот самый жизненный цикл институтов, рассмотренный нами ранее. Разумеется, границы между фазами носят условный характер, и нельзя четко сказать, когда начинается, а когда заканчивается та или иная фаза.

2.2. Институционализация как информационный процесс.

Информационный паспорт институционализации

После того как мы рассмотрели, что такое институционализация, какая она бывает, подробнее рассмотрим сам процесс. И. В. Лукашенок пишет: *«Одна из концепций, подробно описывающих процесс институционализации, принадлежит П. Бергеру и Т. Лукману, указывающим на необходимость рассмотрения исторического процесса, в ходе которого происходит создание института. В ней выделяются три стадии, предваряющие данный процесс, направленные на структуризацию социальной жизни: хабиитуализация, типизация и формирование социальных конструкторов. Авторы данной концепции подчеркивают неразрывную связь институционализации с хабиитуализацией (опривычиванием), которая предшествует созданию любого института. Именно приобретение устойчивых привычек во взаимодействии с окружающей средой (природной и социальной) адаптирует и стабилизирует повседневное поведение людей»* [40]. И далее она описывает процесс институционализации

по данным авторов. Она обращает внимание на то, что, с их точки зрения, «любая типизация есть институт» [40], а также на важность формирования ролевой матрицы. Подробно описывается стадия легитимизации, которая связывается с системами знаний, знаковой коммуникацией и овладением символами.

Что я скажу насчет всего изложенного? Ролевая дифференция является скорее следствием, нежели этапом социализации. Необходимость играть те или иные роли автоматически следует из формализации, приписывающей субъекту те или иные формы поведения. Например, «Закон об образовании в Российской Федерации», регламентирующий такой социальный институт, как образование, подробно указывает субъектам образовательного процесса, какими они должны быть, как они должны играть свои роли. Но без «Закона об образовании в Российской Федерации», т. е. при отсутствии институционализированного образования (образования, которое еще не стало социальным институтом), субъекты в образовательном процессе могут играть любые роли, что мы наглядно наблюдаем на примере неформального образования, которое в принципе не может стать социальным институтом.

Что касается хабиитуализации, то, на мой взгляд, авторами предложена излишне сложная схема. На самом деле все намного проще. Хабиитуализация представляет собой не что иное, как повышение уровня ценности данного конкретного социального феномена. Высшей формой привычки (хабитус) является ситуация, когда привычка становится настолько значимой, что человек не готов отказаться от нее даже под страхом смерти. Однако чаще всего в случае институционализации столь глубокое принятие социального феномена не требуется. Достаточно просто иметь ценность неотвержения данного феномена, иначе говоря, феномен значим (ценен) настолько, что не отвергается. Другой вопрос, как формируется такая ценность, но его подробное рассмотрение слишком уведет нас в сторону, желающие могут ознакомиться с процессом формирования ценностей, изложенных в моих прошлых работах [86–90], но в любом случае схема, предложенная данными авторами, представляется не соответствующей действительности.

Еще одна концепция институционализации предложена С. С. Фроловым, который выделяет следующие стадии институ-

ционализации: «1) возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий; 2) формирование общих целей; 3) появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок; 4) появление процедур, связанных с нормами и правилами; 5) институционализация норм и правил, процедур, т. е. их принятие, практическое применение; 6) установление системы санкций для поддержания норм и правил, дифференцированность их применения в отдельных случаях; 7) создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института» [77]. Что следует сказать относительно данной концепции?

Во-первых, в ней содержится методологическая ошибка. Как известно, нельзя определять термины через самих себя. Поэтому слово «институционализация» должно быть исключено из данной модели.

Во-вторых, стадия формализации также отсутствует в данной модели.

В-третьих, далеко не всегда существует система санкций для поддержания норм и правил, например, в случае института семьи или гражданского общества никаких санкций, поддерживающих эти социальные институты, не существует, однако сами институты существуют и очень распространены. О ролях я уже говорил выше. Итак, относительно данного вопроса необходимо сказать следующее:

1. Институционализация представляет собой типичный информационный процесс, где под информацией мы понимаем психически интернализованные смыслы¹. Фактически институционализация является изменением информации в обществе.

2. Процесс институционализации начинается с появления нового социального феномена. Это появление может быть вызвано экономическими, политическими или любыми другими причинами. Но пока нет феномена, институционализировать нечего. Например, появление синхронного дистанционного обучения является новым социальным явлением, позволяющим реализовать обучение на расстоянии в режиме реального времени.

¹Эрштейн, Л. Б. Об определении понятия информации / Л. Б. Эрштейн // Метафизика. – 2018. – № 3. – С. 21–30.

Даже если раньше и была такая потребность, то отсутствие феномена современных информационных технологий, как способа реализации возможности, не могло позволить его (это обучение) реализовать. Поэтому первичен всегда социальный феномен, а не потребность. У человека может быть огромная потребность вернуться в прошлое, но пока не будет изобретена машина времени, эта потребность так и останется потребностью, а так как, скорее всего, она не будет изобретена никогда, то потребность так и будет только потребностью и ничем более.

3. На следующем этапе начинается формирование отношения людей к данному феномену. Формирование отношения всегда является ценностным процессом. Для людей и организаций феномен начинает быть сколько-нибудь значимым. Ценность феномена может падать, и тогда он не будет институционализироваться, а может расти, причем как в своей значимости, так и в количестве субъектов, которые его разделяют. Таким образом, с точки зрения информации происходит распространение новых смыслов и повышение их значимости. В том случае если ценности приобретают какую-то определенную значимость и распространяются сколько-нибудь широко, происходит переход к следующей стадии. Вероятно, есть способ количественно оценить предельные значения, при которых это происходит. Но данный вопрос нуждается в специальном изучении.

4. На следующей стадии происходит первичная формализация. Причем в том случае если феномен сверхзначимый, эта стадия может быть пропущена. Чаще всего появляются первичные документы, регламентирующие функционирование данного конкретного феномена. То есть появляется некоторая дополнительная информация, оказывающая влияние на феномен. В том случае если значимость феномена и широта его распространения не увеличиваются, то на этой стадии все и заканчивается. Происходит относительное принятие феномена определенной частью населения и, следовательно, первичная формализация.

5. На следующей стадии завершается окончательная формализация феномена, чаще всего выраженная в его законодательном закреплении, с одной стороны, и принятием его субъектами социального процесса, с другой стороны (легитимизацией). Итогом этой стадии является полная институционализация нового феномена, он становится социальным институтом. Разуме-

ется, возможно большое количество промежуточных вариантов, например, может быть законодательное оформление явления, но не полное его принятие социальными субъектами, в частности, такая ситуация происходит с дистанционным образованием, или, наоборот, феномен может быть полностью легитимным, но законодательно не оформленным. Так было, например, с песнями известного исполнителя В. Высоцкого, его музыка принималась всем народом, а официальные структуры не обращали на нее внимание и отвергали ее.

С точки зрения информационного процесса на этой стадии информация становится вербальной и жестко структурированной, а для людей она приобретает ценность высокого порядка.

Рассмотрение институционализации с точки зрения информационного подхода дает возможность разработать информационный паспорт институционализации, который будет заключаться в последовательном ответе на несколько взаимосвязанных вопросов, а именно:

1. Какая новая информация появляется?
2. Какую значимость имеет данная информация для субъектов?
3. Для какого количества субъектов данная информация имеет такой уровень значимости?
4. Возрастают ли распространение и значимость информации для людей?
5. Существует ли необходимость разработки информации, регулирующей функционирование этой новой информации?
6. Принимается ли эта новая информация большинством людей, какую значимость она имеет?
7. Есть ли необходимость разработки новой информации, регулирующей деятельность первичной информации и оформления регулирующей информации в форме закона.

Таким образом, ответив на данные вопросы, можно получить информационный паспорт институционализации и понять, на какой стадии институционализации находится то или иное явление.

2.3. Деинституционализация

Работ по проблеме обратной институционализации очень мало, более того, проблема эта почти не рассматривается. В иностранных источниках термин «деинституционализация» практически не связан с термином «институционализация», если говорить о наших источниках, то можно упомянуть только работу М. А. Антипова и Б. А. Дорошина они пишут: *«Под деинституализацией в данном случае мы понимаем не ситуацию полного разрушения институтов, не ликвидацию институальности как таковой, а текущий, пребывающий в нон-финальном становлении процесс. Он выражается во временном ослаблении, размывании, дисфункции, деформации и инверсии тех или иных составляющих институциональной сферы и представляется как отрицательная компонента ее трансформации при диалектическом осмыслении последней»* [4].

На наш взгляд, проблема деинституционализации требует столь же серьезной разработки, как и институционализация. Во-первых, дадим определение: ***под деинституционализацией будем понимать процесс утративания социальным институтом своих основных свойств и функций с последующим разрушением социального института.***

По сути дела, деинституционализация – это процесс социального обесценивания или утраты социальным феноменом своей ценности. Можно утверждать, что процесс деинституционализации сопровождается процессами деформализации и делегитимизации. Рассмотрим основные стадии деинституционализации:

1. Начальный этап утраты социальным феноменом прежнего уровня значимости (ценности). Происходит постепенная утрата феноменом своего значения. Это может быть связано с устареванием феномена, с заменой его на более новые феномены или с чем-либо еще. Например, феномен дворянства был обесценен в связи с революционными событиями 1917 года. Институт Коммунистической партии СССР потерял значимость в результате перестройки и т. п.

2. После того как утрата значимости преодолевает какой-то барьер (определение уровня барьера – вопрос дополнительных исследований), происходит процесс деформализации, т. е. тот или иной феномен исключается из документов и (или) зако-

нодательства. Процесс этот может затягиваться, часто ничего не значащие феномены сохраняются в законодательстве много лет. Но так или иначе документальные нормы перестают выполняться, даже если и не вычеркиваются из законов или документов.

3. Делегитимизация. Она может происходить параллельно с деформализацией, сопровождается утратой интереса субъектов к данному социальному феномену. Следовательно, происходит снижение уровня ценности этого феномена, вплоть до того, что он перестает иметь для субъектов какое-либо значение. Например, такое происходило с институтом боярства в России. Бояре постепенно утрачивали свое социальное значение, пока оно не дошло до нуля, а боярство не исчезло совсем.

4. Исчезновение феномена. Это может и не происходить, например, институт монархии в Британии не исчез полностью, но свое социальное значение утратил почти полностью. Иногда феномен исчезает, как уже упомянутое дворянство.

Данная точка зрения полностью подтверждается, в частности, В. В. Латышевой. Она писала: *«Если определенная какая-либо потребность со временем теряет свою значимость, существование института становится бессмысленным, он отмирает. Так ушли в прошлое античные полисные традиции, вассальные отношения и средневековое рыцарство, институт дворянских дуэлей чести и сословная организация общества»* [36].

Следует отметить, и мы уже упоминали об этом, что процессы деинституционализации и институционализации могут сменять друг друга в одном феномене. Хорошим примером в данном случае будет институт офицерства, деинституционализированный Великой Октябрьской социалистической революцией. Он был полностью институционализирован после революции с возникновением нового государства.

Вероятно, процесс деинституционализации связан с более или менее резкими изменениями в политическом, экономическом или научном институтах общества. Например, институт средневековых ремесленных цехов был полностью деинституционализирован с появлением фабрик и заводов.

Изучение истории институционализации и деинституционализации может пролить свет на причины и последствия многих исторических событий и, скорее всего, на саму динамику развития общества.

2.4. Прикладные следствия институционализации и существования социальных институтов

2.4.1. Институты как фактор стабилизации и укрепления социальных систем

Одним из явных прикладных следствий существования социальных институтов является тот факт, что социальные институты поддерживают стабильность существования социальных систем. Они являются тем фундаментом, на котором стоит общество. Данный вопрос косвенно проходит через исследования, посвященные социальным институтам, но напрямую не обозначается. Я попытаюсь разобрать его более или менее подробно.

В своих предыдущих работах [86–90] я писал о том, что система ценностей личности и социума является очень стабильной и ригидной, мало подверженной изменениям, ценности высокого порядка вообще поддаются изменениям крайне плохо, что обусловлено тем, что если бы они менялись под воздействиям слабых раздражителей, то человек не смог бы сохранять свой энергетический потенциал, он бы вынужден был по-разному реагировать на типичные раздражители, что требовало бы большого количества энергии, с одной стороны, ибо новая реакция требует куда больше энергии, чем старая, и это было бы небезопасно, с другой стороны, так как совершенно не известно, к чему приведет эта новая реакция.

Базовые социальные институты точно так же тяжело поддаются изменениям, как и ценности высокого порядка. Если бы базовые социальные институты подвергались изменениям очень легко, то тогда общество постоянно находилось бы в состоянии нестабильности. Например, представим себе, что институт образования постоянно изменяется. Следовательно, один год – одно образование, другой год – другое, в результате общество вообще не сможет существовать, ибо непонятно, что требовать от будущих выпускников и какими они будут специалистами.

То же самое можно сказать о любом другом социальном институте. Поэтому одной из главных задач, которую решают социальные институты, является задача стабилизации социального явления. А процесс институционализации, по сути, пред-

ставляет собой процесс стабилизации нового социального феномена.

На жизнь человека данное следствие также оказывает огромное влияние – стабильность одна из основ существования человека. Личность не обладает неограниченными ресурсами для поддержания своего существования, ресурсы ограниченные, поэтому крайне важно поддержание стабильности жизни, стабильности общества, с которым человек имеет дело постоянно. И социальные институты решают эту задачу. Они делают стабильной всю среду существования человека, устанавливают правила добычи энергии им (трудовой деятельности), правила траты энергии (отдыха), правила формирования ресурсов для добычи энергии (образования), правила безопасности (оборона) и т. д. Они вносят в жизнь человека ясность, позволяя ему экономить энергию и распределять ее наиболее оптимальным образом.

Абсолютно то же самое можно сказать и о других субъектах социального пространства, например, об организациях, да и о самом государстве как наиболее крупной, формирующей правила существования социальных институтов организации.

Другим, связанным с предыдущим, следствием является укрепление социальных систем. Именно с появлением социальных институтов структурные образования общества становятся намного более прочными, чем до них. Прочность социальной системы в данном случае понимается как способность социальной системы выдерживать внешние воздействия различной силы. Именно формирование комплекса социальных институтов позволяет социальным структурам общества выдерживать давление внешней среды. Например, институционализированная семья, как правило, много прочнее, чем неинституционализированная, этот факт многими ощущается интуитивно, поэтому женщины, которые чаще всего (но не всегда) более заинтересованы в создании прочных семей, так стремятся к браку. Формальную фиксацию феномена отменить достаточно сложно, а если она еще и закреплена законодательно, то очень сложно, для этого надо иметь соответствующие основания и структуру, которая готова эти основания представить. Вместе с тем в большинстве случаев у людей существует внутреннее уважение к законам или документам, и делегитимизация при их наличии

будет протекать существенно с большими сложностями, чем если бы институционализационного феномена не было.

2.4.2. Институты как фактор признания социального явления

Одним из важнейших следствий институционализации является тот факт, что она приводит к признанию социального явления. Признание означает согласие субъектов общества с тем, что явление существует. Признание не всегда сопровождается одобрением, нередко ситуации, при которых явление не одобряется, например, проституция или наркомания. До тех пор, пока явление не было институционализировано, можно было отрицать его наличие сколько угодно. Примерами этого являются, в частности, проституция и наркомания в СССР. Пока борьба с этими явлениями не была прописана в законодательстве, можно было отрицать их наличие, а значит, они могли развиваться как угодно.

Отсутствие институционализации лишает отрицательные социальные явления средств борьбы с ними. Как только происходит институционализация социального явления, возникает вопрос отношения к этому явлению, точнее, вопрос о том, что с ним делать. Все это отнюдь не абстрактные слова, а жизнь конкретных людей. Пока не был сколько-нибудь институционализирован Интернет, в нем можно было делать вообще все что угодно. До институционализации образования можно было выдать себя за специалиста любой профессии. Пока не было институционализировано обращение с оружием, любой человек мог использовать любое, доступное ему материально, оружие и т. д. Институционализация и включение социального явления в социальные институты создает регуляторные механизмы обращения с этим явлением. Регуляторные механизмы означают правила.

Классический вопрос, заданный в стихотворении В. В. Маяковского, «Что такое хорошо и что такое плохо?» решается в рамках социальных институтов совершенно однозначно. Без социальных институтов человек не имеет той карты поведения, которой он может руководствоваться в своих поступках.

Таким образом, принятие социального явления и его включение в институт является этическим детерминантом обращения с этим явлением. Именно поэтому в современных обществах стараются институционализировать почти все, как говорится, «Дабы беды не вышло». Обращаться с новым явлением произвольно можно лишь на начальном этапе его появления, но с дальнейшим распространением оно несет в себе как положительные, так и отрицательные черты, по отношению к которым общество должно высказать свое мнение, которое и заключается в процессах полной или частичной институционализации явления.

Не государство устанавливает правила социальной игры, это делают социальные институты, на которые государство может оказывать то или иное влияние в зависимости от их типов. Но правила устанавливает все-таки не оно. Или, точнее, оно через социальные институты.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что принятие явления имеет огромное значение как для людей, так и для всего общества.

2.4.3. Влияние институционализации и социальных институтов на личность

Литературы о влиянии социальных институтов на человека крайне мало, и найти какие-либо источники об этом чрезвычайно сложно. Возможно в классических работах П. Бергера, Т. Лукмана, Г. Спенсера, Т. Парсонса и других ведущих социологов эти вопросы обсуждаются, мне это найти не удалось. Если квалифицированный читатель что-то знает об этом и сможет дать соответствующие ссылки, я буду ему искренне признателен. Здесь же приведу мнение Дж. Бойда и К. Коускид: «Бродли говорит: *“Рыночные институты фундаментально меняют личность, так как рынок вторгается во все аспекты нашей жизни. Доверие, щедрость, страхи наказания составляют суть нашей социальной и личной жизни. Мы практикуемся в жизни внутри социальных институтов каждый день”* [125].

Исходя из этого, буду рассматривать вопрос так, как его вижу лично я. Начнем с влияния социальных институтов на личность. Фактически это влияние огромно. Вероятно, никакое

другое социальное образование не оказывает на личность большее влияние, чем социальные институты, ни этническая принадлежность, ни культура ни оказывают на личность столь значимого влияния. Человек рождается и умирает в пространстве социальных институтов, которые всю его жизнь составляют основу социальной среды его существования. Рассмотрим данное явление детально.

Рождаясь, человек сталкивается с социальным институтом семьи, становится его частью, начинает оказывать на семью значительное, иногда ключевое влияние. Тем самым не только социальные институты оказывают влияние на человека, но и человек – на социальные институты, образуется обратная связь. Одновременно на человека оказывает влияние социальный институт государства, который формирует правила его существования в обществе и продолжает оказывать это влияние всю дальнейшую жизнь человека.

Социальный институт здравоохранения поддерживает его здоровье и следит за его физической выживаемостью.

Социальный институт образования начинает способствовать социализации человека и усвоению им культурного опыта той культуры, в которой он родился.

Институт промышленного производства предоставляет ему средства для его досуга и гигиены. Человек растет, он все более и более подвергается воздействию социального института образования, институт семьи оказывает на него все более серьезное влияние, у человека появляются обязанности, он все в большей степени становится членом общества.

Человек идет в школу, институт образования начинает оказывать на него все большее влияние, общее влияние социальных институтов на него возрастает.

Влияние каждого социального института на конкретного человека можно рассмотреть детально, и если это сделать, то мы увидим, что оно является ключевым для его последующего развития.

В конце школьного периода на человека начинает оказывать влияние институт профессионального образования, все больше усиливается влияние социального института спорта и отдыха, также возрастает влияние политического и экономического институтов общества. Человек становится полноправным

членом общества. В процессе получения образования на него оказывает ключевое влияние институт профессионального образования, а затем, после получения образования, – институты, связанные со спецификой его профессиональной деятельности.

Человек заводит семью, и уже сам становится членом института собственной семьи, который в какой-то период оказывает на него ключевое влияние, подчас являясь главным регламентирующим его поведение фактором.

Происходит процесс профессионального роста, различные социальные институты продолжают воздействовать на человека, изменяя и трансформируя его, часто в соответствии с логикой своего собственного изменения, что хорошо видно на примере последних 30 лет жизни России.

Профессиональная деятельность заканчивается, силы покидают человека, и он напрямую сталкивается с институтом пенсионного обеспечения. Многие начинают задумываться о смерти, обращаются к институту религии, для того чтобы найти ответы на извечные вопросы, волнующие людей. Таким образом, жизнь человека проходит в пространстве социальных институтов и окружена процессами институционализации новых социальных феноменов.

Полное описание влияния социальных институтов на жизнь человека, наверное, составит предмет отдельной, специальной монографии под условным названием «Социальные институты и жизнь человека», в ней будут подробно разобраны влияния тех или иных социальных институтов на человеческую жизнь. Если силы свыше дадут мне возможность заняться этой темой, то, может быть, я сделаю это, и тогда мы с вами, уважаемый читатель, узнаем много интересного о человеческой жизни. Посмотрим, все непредсказуемо и неясно.

2.4.4. Влияние социальных институтов на организации

Вопрос о влиянии социальных институтов на организации несколько более сложен, чем предыдущий рассмотренный нами вопрос. Проблема заключается в сходстве терминов. С. С. Новикова пишет: *«Следует различать и такие понятия, как “социальный институт” и “организация”. Социальные институты и социальные организации тесно связаны между со-*

бой. Среди социологов нет единого мнения по поводу того, как они соотносятся друг с другом. Одни считают, что вообще нет необходимости различать эти два понятия, употребляют их как синонимы, так как многие социальные явления, такие, например, как система социального обеспечения, образование, армия, суд, банк, могут одновременно рассматриваться и как социальный институт, и как социальная организация, другие же приводят более или менее четкое их разграничение. Трудность проведения четкого “водораздела” между этими двумя понятиями связана с тем, что социальные институты в процессе своей деятельности выступают как социальные организации – они структурно оформлены, институционализированы, имеют свои цели, функции, нормы и правила. Сложность заключается в том, что при попытке выделить социальную организацию как самостоятельный структурный компонент или социальное явление приходится повторять те свойства и черты, которые характерны и для социального института» [44].

Таким образом, проблема состоит в определении термина «организация». На мой взгляд, необходимо придерживаться классического понимания. Я не люблю давать ссылки на Википедию, но в данном случае сошлюсь на нее, там сказано: «Организа́ция (от греч. *ὄργανον* – “инструмент”) – группа людей, деятельность которых сознательно координируется для достижения общих целей. Термин употребляется преимущественно для обозначения социальной группы, которая распределяет выполнение задач между участниками для достижения определенной коллективной цели» [47]. Я придерживаюсь сходного определения: организация – это группа людей, объединенных для достижения общих целей. Сравним это определение с данным нами выше определением социального института: социальный институт – это формализованная подсистема общества, имеющая свои цели и функции, предназначенная для удовлетворения каких-либо потребностей личности и принятия субъектами факта удовлетворения этих потребностей. И та и другая структура имеют свои общие цели. Однако не всякая организация предназначена для удовлетворения потребностей личности. Например, Следственный комитет Российской Федерации, являясь организацией, никаких потребностей отдельной личности не удовлетворяет, аналогично Генеральная прокуратура Россий-

ской Федерации. Очень сомнительно, какие потребности личности удовлетворяют и другие силовые структуры государства, то же самое можно говорить и об органах власти.

В общем можно утверждать, что далеко не всегда целями организации являются удовлетворение каких-либо потребностей людей, цели могут быть и другие, например, поддержание власти или получение прибыли, или обогащение одного конкретного человека. Кроме того, возникают вопросы о необходимости какой-либо формализации. Разумеется, большинство организаций имеют ту или иную формальную структуру, но далеко не все. Например, научный консультант и его подопечный, готовящий докторскую диссертацию, фактически объединяются в организацию, целью которой является подготовка подопечным защиты докторской диссертации, тем не менее эта организация, если она согласована вне рамок каких-либо официальных структур, не формализована никаким образом, она основана не на формализации, а на основании устной договоренности и может прекратить свою деятельность в любой момент по желанию одной из сторон.

Исходя из этого мы, как и С. С. Новикова, придерживаемся той точки зрения, что организация и социальный институт все-таки разные понятия, хотя организация и может быть социальным институтом, но такое происходит далеко не всегда. Например, государство является одновременно и социальным институтом, и организацией. А конкретная семья не является. Она является организацией, относящейся к социальному институту семьи, но сама по себе каждая конкретная семья социальным институтом не является, и здесь мы видим еще одно фундаментальное отличие социального института от организации.

Организация всегда представляет собой конкретную социальную структуру, иначе говоря, можно показать пальцем и сказать: «Вот это организация по производству компьютеров». В отличие от организации социальный институт никогда не бывает конкретным. Как я писал выше, нельзя показать пальцем и сказать: «Вот это социальный институт».

Организация является конкретным экземпляром социального института в обществе. Но даже такого, как я указывал, может и не быть. Кроме того, ни одна возможная организация не связана только с одним социальным институтом. Организация в

своей конкретной деятельности интегрирует действие нескольких социальных институтов. Например, такая организация, как семья, является экземпляром института семьи, однако она же воплощает в себе части института права, института экономики, института культуры и т. п.

Итак, как же влияют социальные институты на организации? Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что организация в своей деятельности жестко зависима от социальных институтов. Социальные институты определяют все параметры деятельности организации во все периоды ее жизненного цикла. Фактически социальные институты создают структуру и законы функционирования организаций. Организации жестко зависимы от них. Отсюда и бесчисленное количество научных исследований, выявляющих те или иные зависимости функционирования тех или иных типов организаций от различных социальных институтов. Для исследователей эта тема не имеет конца и края, здесь требуются труды многих поколений ученых, и вряд ли она когда-либо сможет быть закрыта до конца.

Важно понимать, что какую бы характеристику деятельности организаций мы ни взяли, она всегда будет зависима от того или иного социального института.

2.5. Негативные следствия институционализации и существования социальных институтов

Разумеется, социальные институты и процесс институционализации приводят не только к позитивным, но и к негативным следствиям. Поиск каких-либо источников на эту тему результатов не дал. Я буду благодарен читателю, если он пришлет мне через контакты, указанные в предисловии, ссылки на какие-либо работы о негативном влиянии социальных институтов на кого-либо из социальных субъектов. Повторюсь, мне ничего похожего найти не удалось.

Между тем факторы негативного влияния, безусловно, существуют. Рассмотрим их здесь. Негативные факторы обусловлены тем, что представляют собой социальные институты. Проблема состоит в том, что формализация может заменять собой реальное явление. Документальное и тем более законодательное оформление нередко является тем единственным, что

остаётся от конкретного феномена. Таковы часто являются институты гражданского общества или демократии. Формализация позволяет обманывать общество, выдавая декларируемое за реальное.

Вместе с тем часто реальное, кроме формализованного, подменяется функциональным. Хорошим примером этого является образование, которое как социальный институт, разумеется, предназначено для выполнения определенных конкретных функций, в частности функций обучения и воспитания, но наряду с этим образование несет в себе внутреннюю составляющую, заключающуюся в передаче интегрированного опыта людей. Когда образование становится социальным институтом, эта составляющая может исчезать под влиянием выполнения основных функций. Образование обезличивается и обезчеловечивается, оно становится не средством роста человека, реального приращения его опыта, а средством формальной реализации функций образования.

Еще одним большим негативным последствием существования институтов и институционализации является проблема контроля. Один из основных законов существования человеческого общества говорит нам: реальное не может проверяться и контролироваться формальным, реальное может контролироваться только реальным. В источниках мне не удалось найти какое-либо упоминание о таком законе. Его доказательство слишком уведет нас в сторону, но в общем виде реальное не может контролироваться формальным, в первую очередь потому, что формальное всегда можно обмануть. Поэтому как только тот или иной феномен институционализируется, сразу возникает вероятность его обмана. Приведем несколько примеров. Есть, например, институционализированная семья, т. е. оформленная законодательно. Конкретная семья может вовсе не выполнять функции семьи, в ней может царить атмосфера семейного насилия, неуважения членов семьи друг к другу, в реальности такая семья никакой семьей не является, но институционально к ней претензий нет — она семья. Хотя в ситуации, когда люди живут вместе или иногда встречаются, между ними создается реальная, характерная для семьи атмосфера, хотя их отношения не институционализированы вообще.

Для образования вообще характерна подмена формального реальным. Конкретная школа может осуществлять все формальные функции, она институционализована по умолчанию, и тем не менее она может не давать никакого реального образования. Если человек учится сам, например, изучает программирование или иностранный язык или что-либо еще, он находится в атмосфере информального или неформального образования, первое из которых не может быть институализировано в принципе (подробнее об этом дальше), а второе часто не институционализовано. Тем не менее он получает реальное образование, потому что в этом его цель, он не связан какими-либо формальными границами или предписаниями.

Кроме того, существует и третья группа негативных следствий институционализации – это крайняя ригидность социальных институтов. Если общество остается стабильным, то это качество играет положительную роль, но если общество начинает резко и быстро меняться, то социальные институты вследствие слабой способности к изменениям остаются прежними, тем самым часто они не в состоянии удовлетворять те потребности личности, ради удовлетворения которых они и появились. Социальные институты начинают поддерживать прежнюю, уже неактуальную социальную систему, тем самым часто способствуя дезадаптации людей. Наглядно это можно наблюдать в период революций и других социальных потрясений, таких как резкие экономические или политические реформы.

Избежать институционализации нельзя, существование социальных институтов есть, как мы показали выше, одно из свойств сложных сообществ живых организмов. Но целенаправленно снижать степень институционализации, вероятно, можно.

Процессы деформализации – целенаправленного снижения уровня формализации – могут снижать институционализацию того или иного социального института, тем самым возвращая феномен из русла формального в реальное. Так, снижение бюрократического давления на образование или бизнес, скорее всего, приведет к повышению качества и того и другого. По всей видимости, одной из задач современного общества и государства является целенаправленное регулирование уровня институционализации в нем с целью обеспечения наиболее эффективного существования социальных феноменов.

2.6. Институционализационный анализ

Еще одним прикладным следствием существования социальных институтов и институционализации является возможность проведения институционализационного социального феномена.

В классическом понимании, изложенном в литературе, институционализационный анализ – это анализ системы социальных институтов [57]. Очень часто данный термин употребляется применительно к анализу деятельности организации, В. В. Ковалев, О. Н. Волкова писали: *«Важную роль при планировании будущей деятельности играет оценка той организационной, правовой, политической обстановки, в рамках которой будет осуществляться эта деятельность. В ходе институционального анализа проводится оценка следующих аспектов работы предприятия: выявление и описание различных элементов институциональной среды, в которой предприятие намерено работать в перспективе; при этом изучаются нормативная база, отношения с местными властями, партнерами и контрагентами; разработка политики предприятия в области заключения договоров и контроля за их исполнением с последующими санкциями за нарушение контрактов партнерами; выработка рекомендаций по оптимизации организационной структуры предприятия и определению роли различных подразделений и конкретных руководителей, а также степени их ответственности, в реализации производственных программ и планов; идентификация возможных политических рисков, с которыми может столкнуться предприятие в ходе своей будущей работы»* [11].

Мне не удалось найти какие-либо упоминания о том, что институционализационный анализ является общепринятым методом исследования. Между тем я считаю это принципиально неверным. Если понимать под институционализационным анализом анализ включенности социального явления в социальные институты, то проведение такого анализа даст много новой информации о рассматриваемом социальном явлении.

При этом включенность в социальные институты, на мой взгляд, является категорией двумерной, где первым измерением является то, в какие институты включено данное социальное явление, и вторым измерением – в какой степени оно туда вклю-

чено. Однако возникает резонный вопрос о том, как измерить степень включенности? На мой взгляд, ответ представляется следующим. Степень включенности в социальный институт отражает уровень формализации по отношению к данному явлению. Если нормативная база конкретного социального института не предполагает каких-либо отклонений от предписаний социального института, то степень включенности можно оценить максимальным количеством баллов, например, по 10-балльной шкале это будет 10 баллов, а по 100-балльной – следовательно, 100. Например, включенность школы в институт образования равна 10 баллам (по 10-балльной шкале), все предписания института образования школа должна выполнять полностью, а включенность в институт семьи – приблизительно два-три балла, школа имеет к институту семьи опосредованное отношение и может выполнять его предписания далеко не полностью.

Для того чтобы выяснить уровень включенности того или иного феномена в социальный институт, всегда необходимо проведение специальных исследований (за исключением очевидных случаев). Для проведения институционализационного анализа составляется табл. 1.

Таблица 1

Институционализационный анализ

Название социального явления		
Социальный институт	Степень вовлеченности (в баллах)	Примечания

В примечаниях указываются особенности действия того или иного социального института применительно к данному социальному явлению.

Полный институционализационный анализ составляет институционализационный паспорт явления и показывает взаимосвязь изучаемого явления с другими социальными явлениями и подчас его место в социальной среде как таковой. Представляется, что проведение полного институционализационного анализа позволит получить много новой информации об изучаемом явлении, которую другим способом получить невозможно или очень сложно.

Часть 3

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

В ч. 3 рассмотрен процесс институционализации самого важного социального института в обществе, а именно института образования. Рассмотрено значение института образования для человека и общества, институционализация неформального, информального и дистанционного образования во всех уровнях образования, вопросы институционализации научного руководства.

3.1. Значение образования для человека и общества

Рассматривая значение образования для человека и общества, обращает на себя внимание вызывающая удивление неразработанность данного вопроса. Исследования этой проблемы существуют. В работах О. А. Буряка, В. И. Маслова, С. Н. Сучкова, И. А. Филипповой [10; 41; 76] анализируется данный вопрос, но далеко не полностью. В. Мауэр рассматривает влияние образования на человека и общество, но общий анализ не дает и пишет о частных вопросах. Описывая образование как социальный институт, авторы курса лекций по социологии пишут, например, следующее: *«Институт образования – институт, функцией которого является систематическое обучение и воспитание членов общества, ориентированное на овладение определенным знанием (прежде всего научным), идейно-нравственными ценностями, компетенциями, нормами, содержание которых определяется социально-экономическим и политическим строем общества, уровнем его материально-технического развития»* [70].

На мой взгляд, все сказанное в этих и других работах верно, но неполно. Для начала разберемся, что такое образование. Как мы писали выше, образование представляет собой процесс

трансляции информации между и внутри поколений. Коль скоро это так, то образование обеспечивает передачу культурного, национального и государственного кода между поколений. Где под кодом, по сути дела, понимается вся совокупность специфической информации, характерной для передаваемого феномена. На мой взгляд, социальный институт образования представляет собой социальный институт, удовлетворяющий потребность людей в приобретении нового опыта. А если вспомнить наше определение социального института, то социальный институт образования – это формализованная структура общества, целью которой является удовлетворение потребностей социальных субъектов в новом опыте при условии их согласия с тем, что эти потребности удовлетворяются.

За этими умными словами стоит конкретный процесс передачи и восприятия свойств нации, государства, культуры или чего-либо еще. Например, для того чтобы сформировать этническую принадлежность к русскому этносу, необходимо с детства формировать черты, качества и стереотипы поведения, характерные для данного этноса.

Для того чтобы сформировать приверженность к русской культуре, нужно передавать русскую культуру. Для того чтобы сформировать врача, необходимо передавать информацию, которую человек затем сможет использовать, чтобы лечить людей, ибо такова основная функция врачей. И так далее до бесконечности.

Какой вывод можно сделать из сказанного? Без образования невозможно становление никакой культуры, никакой нации, никакой профессии, ничего вообще в человеке и обществе. Любой социальный феномен или даже искусственной артефакт несет в себе черты образования, связан с ним непреходящей информационно-образовательной связью.

Образование отражает саму суть, общества, саму суть человеческой цивилизации, показывая, с одной стороны, направления ее развития и, с другой стороны, уровень ее текущего становления. Нет ни одного другого социального института, от которого бы так зависело общество.

К сожалению, этот факт мало осознается как во всем мире, так и особенно в некоторых странах. Однако можно устано-

вить следующую закономерность: не существует ни одной развитой страны с невысоким уровнем образования.

Фактически уровень образования является индикатором развития страны. Там, где хорошо развито образование, можно наблюдать высокий уровень экономического развития и высокий уровень жизни населения. Поэтому экономически развитые страны понимают, что вложение в образование никогда не проходит даром.

Таким образом, образование является центральным социальным институтом, без которого невозможно существование никаких других социальных институтов.

3.2. Институционализация неформального образования

Одной из наиболее важных проблем, связанных с институционализацией образования, является проблема институционализации неформального образования. Неформальное образование – это образование, которое получают вне образовательных институтов, оно может сопровождаться или не сопровождаться выдачей образовательного документа, свидетельствующего о полученном образовании, но не показывающего его уровень.

Часто неформальное образование называют дополнительным образованием. Соотношение терминов представляет собой специальную исследовательскую проблему, которую здесь мы обсуждать не будем. В любом случае не будет большой ошибкой ставить между этими терминами знак равенства.

Ни в коем случае нельзя путать неформальное образование с информальным, которое по своей сути является стихийным, о котором мы будем подробнее говорить в следующем пункте. Дополнительное образование является частично институционализированным. Так, «Закон об образовании в Российской Федерации» включает дополнительное образование в классификацию образования как таковую. Глава 10 «Закона об образовании в Российской Федерации» подробно описывает правила и условия реализации дополнительного образования в РФ [25].

Тем не менее проблема институционализации дополнительного образования все же существует. И она имеет двоякий характер. Во-первых, не все учреждения дополнительного образования дают какие-либо свидетельства о его получении, во-

вторых, существует большая проблема, связанная с легитимизацией (признанием) неформального образования субъектами общества. По поводу второй проблемы, в частности, М. Н. Кичерова, Е. В. Зюбан и Е. О. Муслимова писали: *«В странах ЕС существуют утвержденные механизмы признания неформального образования, политика признания здесь опирается прежде всего на сертификацию профессиональных компетенций. Примером может служить Франция, где система признания неформального образования существует более 17 лет [Mathou, 2016. Р. 4–5]. На основании процедуры “признание опыта” (Validation des Acquis de l’Expérience, VAE) заявитель может получить полный или ограниченный сертификат, свидетельствующий о наличии него квалификациб в той или иной профессиональной области, приобретенной в ходе первичного опыта и обучения в различных контекстах»* [30].

Об институционализации корпоративного образования как вида неформального образования писала и Е. В. Караман: *«Об институциональном оформлении корпоративного образования свидетельствуют следующие факты. 1. Успешно функционирует целый ряд специализированных учреждений: новые “рыночные” структуры вузов, институты и центры повышения квалификации, образовательные центры, корпоративные университеты, сертификационные центры и т. д. 2. Закрепляются нормы и роли, что проявляется, прежде всего, в технологизации профессионально-образовательного процесса, разработке корпоративных образовательных стандартов, включении системы подготовки и переподготовки кадров в системы менеджмента качества, внедрении систем мониторинга и планирования кадрового обеспечения и т. д.»* [29].

Для полной институционализации неформального образования необходимо создание сертификационных центров, в которых человек мог бы подтвердить полученную им неформальным способом квалификацию. Частичным способом институционализации неформального образования является система входного тестирования соискателей, которую практикуют практически все IT-компании при приеме на работу. Такая система позволяет любому человеку, получившему свои знания, умения и навыки любым способом, продемонстрировать их актуальность и уровень.

С той же целью существуют системы языкового тестирования, которые дают возможность человеку документально подтвердить уровень владения иностранным языком. Причем в ряде случаев, как в варианте информационных технологий, так и при изучении языков, прохождение тестов систем сертификации на рынке труда ценится куда выше, чем наличие свидетельства о формальном образовании, что обусловлено более объективным характером такого тестирования, чем обучением внутри формальных образовательных организаций, о проблемах которых прекрасно осведомлены любые работодатели. Вместе с тем система неформального образования не может гарантировать высокое качество образования, причиной чего нередко является коммерческий характер образования такого рода, что, впрочем, характерно и для формального образования.

В настоящий момент можно говорить о том, что институционализация неформального образования находится в своем развитии, и надо предполагать, что процесс будет происходить еще достаточно долгое время.

3.3. Информальное образование и невозможность его институционализации

Наряду со сложностями институционализации неформального образования и некоторых других видов образования имеет место и проблема институционализации информального образования. Информальное образование – это стихийное образование, оно неорганизованное и непостоянное, имеет огромное значение в жизни людей и, как правило, совершенно не замечается. Можно сказать, что информальное образование – это фоновое образование.

Множеству вещей люди обучаются средствами информального образования. Собственно обучение самой жизни происходит именно таким образом. Ни одна дисциплина формального или неформального образования не учит людей таким важным вещам, как, например, поиск работы, будущего партнера, умению справляться с потерей близкого, реагировать на появление новой социальной реальности или новых социальных феноменов. Кто и на каких дисциплинах учил людей справляться с реалиями социально-экономической перестройки, проводившей-

ся в стране в 90-х годах XX века? Кто учил людей справляться с распадом страны? Кто и где учит людей обращаться с мобильными телефонами и смартфонами, получившими широкое распространение в начале XXI в.? Никто и ни на каких дисциплинах. Информальное образование является существенно недооцененным. Хотя именно оно составляет суть существования живых систем и является наиболее распространенным в жизни людей.

Фактически формальное и неформальное образование являются исключением из всех видов образования, которое получает человек в течение своей жизни.

Информальному образованию подвержены все категории людей независимо от статуса, социального положения, физических или ментальных недостатков, наличия или отсутствия родителей, возраста.

Учителями информального образования выступают абсолютно все социальные сущности, люди, организации, социальные институты, даже искусственные артефакты. Все, что существует в социуме.

Читатель может удивиться и спросить, как же вещи могут выступать учителями? Например, если человек сталкивается с новой бытовой техникой, скажем, кухонным комбайном, то этот комбайн выступает в качестве учителя, ибо перед человеком встает вопрос о том, чтобы освоить навыки обращения с ним.

Судя по всему, подверженность информальному образованию есть суть существования живых систем, ибо информальному образованию подвержены не только люди, но и любые живые существа на земле. И это неудивительно, если вспомнить что образование есть процесс передачи информации, процесс передачи смыслов. Не вызывает сомнения, что большую часть нового опыта человек усваивает посредством информального образования. Соотношение опыта, который усваивается людьми средствами разных видов образования в течение всей жизни, является предметом отдельного специального исследования, однако не вызывает сомнений, что информальное образование будет иметь значительное превосходство над формальным и неформальным.

Оно крайне сложно поддается исследованию, может осуществляться в любом месте и в любое время. Судя по всему, одним из основных методов исследования здесь будут рефлексия и

интроспекция, т. е. самонаблюдение и самоанализ, которые позволят конкретным людям проследить, каким образом они получили тот или иной опыт в жизни, также, вероятно, важно проведение интервью, в котором людей просят описать их жизненный опыт.

Отдельным является вопрос об институционализации и информального образования. На мой взгляд, институционализация информального образования категорически невозможна. Как только предпринимаются попытки формализации и организации информального образования, оно сразу становится чем-то другим.

Изначально в мире существовало только информальное образование, в результате его институционализации, вызванной развитием сложных форм деятельности социальных сообществ, появились формальное и неформальное образование. Причем последнее полностью неинституционализировано до сих пор, и вряд ли это когда-либо произойдет.

С одной стороны, вследствие стихийности и неформализованности информальное образование имеет недостатки, присущие любому стихийному процессу, оно не носит системного характера. Например, в настоящее время почти каждый человек умеет обращаться со смартфоном, но разные люди владеют разными функциями управления смартфоном. То же самое происходит в процессе обучения работе на персональном компьютере. И эта проблема хорошо известна преподавателям информатики, которые вынуждены учить людей, обладающих абсолютно разными навыками.

С другой стороны, формальное образование чаще всего не дает тех скрытых знаний, умений и навыков, которые составляют ядро и суть любой профессиональной деятельности, но которые очень плохо формулируются и выявляются. Именно поэтому почти все молодые специалисты всех специальностей вынуждены доучиваться средствами информального образования, а иногда и неформального, когда речь идет о корпоративном обучении.

В настоящий момент наблюдается тенденция трансформации формального образования в информальное, если рассматривать качество образования. Условия, в которых осуществляется формальное образование, фактически превращают

его в декларированное, т. е. реальный опыт не передается, а идет лишь заявление о том, что он получен студентом, с подтверждением этого заявления соответствующим формальным документом. В результате формальное образование становится равным неформальному, так как усваиваются случайные знания, умения и навыки, причем, какие они будут, невозможно предсказать.

В любом случае неформальное образование, играя ведущую роль в процессе образования человека, само по себе институционализировано быть не может никаким образом, особенно учитывая тот факт, что, как я писал выше, я полностью отрицаю невозможность какой-либо неформальной институционализации и считаю разговор о ней свидетельством полного непонимания того, что представляет собой процесс институционализации и социальные институты как таковые.

3.4. Институционализация дистанционного образования в общем, среднем профессиональном, высшем образовании

3.4.1. Вступление

Одной из центральных проблем институционализации образования является проблема институционализации дистанционного образования (ДО). В данном пункте мы сначала рассмотрим эту проблему в общем, а затем отдельно по уровням образования. Исследований, касающихся проблемы институционализации дистанционного образования существует немного, так Ю. А. Черникова писала: *«Кроме того, развитие ДО сдерживается несовершенством законодательной и нормативной базы, психолого-педагогической непроработанностью узловых проблем дидактики, основанной на новых технологиях, отставанием в подготовке педагогических кадров, готовых к использованию ИКТ, низким материальным стимулированием преподавателей, недостаточным количеством компьютерной техники, неразвитостью информационных сетей»* [80]. Кроме того, О. Е. Данилов, рассматривая препятствия институционализации дистанционного образования говорит: *«Несмотря на то, что на данный момент существует определенное количество документов, регламентирующих организацию дистанционного обучения, ее нормативно-правовую базу следует признать недо-*

статочной. Недостаточная нормативно-правовая база дистанционного образования также является одним из препятствий его институционализации. К проблемам институционализации также относят несбалансированность между долгосрочными и краткосрочными интересами [1, с. 35–50]. Данная проблема заключается в следующем. Чтобы удовлетворить краткосрочные потребности образовательных организаций (например, создание инфраструктуры: приобретение оборудования, программного обеспечения и т. п.), пренебрегают долгосрочной стратегией развития дистанционного образования (тем, к чему в результате оно должно прийти). Иными словами, на данный момент государство сосредоточено на преодолении текущих проблем дистанционного обучения, а не на разработках, определяющих его будущее. Другой проблемой институционализации является проблема инерционности, догоняющего развития и копирования [2]. Государственные институты могут выбрать подходящие, на их взгляд, элементы иностранного опыта и пытаться применять их в местных условиях. В результате может образоваться бессистемный институциональный набор несвязанных между собой аспектов чужого опыта» [19].

Не отрицая все сказанное, необходимо отметить, что, конечно, это далеко не полный анализ проблемы. Напомню, что институционализация – это формализация плюс легитимизация. То есть документальное оформление феномена плюс согласие с ним всех субъектов, которых он затрагивает. Следовательно, чаще всего проблема институционализации сводится или к недостаточному документальному оформлению, или к неполному согласию.

В случае с дистанционным образованием имеет место и то и другое. Несмотря на то что дистанционное образование указано в «Законе об образовании в Российской Федерации», локальные законодательные акты, регламентирующие его применение, имеют нечеткий и неполный характер, целый ряд вопросов остается открытым.

Еще хуже ситуация с легитимизацией дистанционного образования. Многие субъекты образовательного процесса не готовы принять дистанционное образование как полноценное об-

разование и, как показала пандемия COVID-19, не согласны с его широким применением.

По всей вероятности, это связано с существующим, несмотря на обилие тысяч научных исследований, непониманием того, что представляет собой дистанционное образование и каковы границы его применения. Имеет место специфика использования дистанционного образования, которая часто не учитывается при его реализации различными уровнями образования. Такая ситуация приводит к тому, что дистанционное образование начинают использовать там, где это принципиально невозможно, что приводит к отрицанию такого образования субъектами образовательной деятельности и, разумеется, снижает его легитимизацию, тем самым замедляя процесс институционализации дистанционного образования.

Рассмотрим проблемы институционализации дистанционного образования на различных уровнях. Представляется, что это поможет выявить основные препятствия к институционализации, а затем и устранить их.

3.4.2. Институционализация дистанционного образования в общем образовании

Прежде чем говорить об институционализации дистанционного образования в общем образовании, необходимо сделать следующую оговорку. В отличие от российского законодательства я не буду относить среднее профессиональное образование к общему образованию. На мой взгляд, это неправильно, у среднего профессионального образования другие цели, чем у общего образования, а образование в целом – процесс телеоцентрический. Таким образом, говоря об общем образовании, мы будем понимать под ним школьное и дошкольное образование.

Вопрос институционализации дистанционного образования в этих видах образования сводится к тому, что институционализированным оно в них быть не может. Основная причина этого сводится к тому, что дистанционное образование в любом его понимании требует от обучающегося очень серьезной внутренней самодисциплины.

Структуры психики, отвечающие за самодисциплину, формируются примерно к моменту полового созревания, т. е. к

возрасту примерно 14 лет. До этого времени большинство детей может подчиняться только внешней дисциплине, т. е. жесткому силовому давлению. В этом состоит одна из основных проблем обучения в школе. Учитывая крайнюю подвижность нервной системы большинства детей и тот факт, что в школе они вынуждены изучать материал, который очень редко затрагивает их лично, единственный способ добиться от них хоть какого-то обучения, – это постоянный жесткий контроль.

Дистанционное же образование представляет собой прежде всего самообразование. Но здесь следует сделать оговорку. Мало кто понимает, что любое образование является самообразованием, в том смысле, что человек усваивает новый опыт всегда сам. Учителя, системы обучения, образовательные структуры являются лишь помощниками в обучении человека, но ни одна сила на свете не в состоянии поместить внутрь человека новый опыт. Этот опыт он усваивает в любом случае сам, и вопрос стоит лишь о том, насколько та форма, в которой он получает этот опыт, соответствует особенностям его когнитивного и физического развития, насколько она подходит ему как личности.

Ситуация дистанционного обучения не предполагает никакого силового давления на личность. У нее должно быть желание учиться, получать то, чему ее пытаются научить. Но в абсолютном большинстве случаев дети не понимают, зачем их учат тому или другому, и в силу особенностей своего возраста они не могут это понять. Поэтому задачи разделения целей обучения перед детьми не ставятся. Они учатся потому, что им сказали, что надо учиться, потому что им поставят двойку, потому что их будут ругать родители и т. п. В таких условиях дистанционное обучение, разумеется, работать не будет. Его эффективность будет крайне низкой, особенно когда речь идет о настоящем дистанционном обучении, которое представляет собой синхронно-асинхронную модель, что подробно доказывается в одной из моих предыдущих работ [86–90].

Так как качество дистанционного обучения крайне низкое, то в результате оно не может быть легитимизировано, т. е. принято субъектами образовательного процесса, а значит, и институционализировано.

Но возникает вопрос, а как быть с детьми, которые старше 14 лет? Здесь возникает другая проблема. Те, кто остаются в общем образовании после 14 лет, ориентируются в своей учебной деятельности на достижение конкретного формального результата, чаще всего это сдача ЕГЭ по конкретным, выбранным заранее дисциплинам, все остальные предметы, учащихся перестают интересовать полностью. Поэтому использование дистанционного образования и здесь имеет крайне низкую эффективность. Учащихся опять приходится заставлять учиться.

Надо отметить, что эта проблема, свойственна не только дистанционному обучению, судя по тому уровню общих знаний, которые демонстрируют выпускники школ, не знающие порой вещей, которые кажутся совершенно элементарными представителям старшего поколения, уровень школьного образования оставляет желать лучшего, но когда в работе с детьми используется дистанционное обучение, этот уровень становится вообще никаким.

Средства и методы дистанционного обучения очень плохо приспособлены к тому, чтобы заставлять кого-либо учиться. Интуитивно чувствуя это, учителя, родители и ученики показывают негативное отношение к такому типу образования, что достаточно ясно было показано в период пандемии, когда многочисленные опросы давали один и тот же результат – все были против дистанционного обучения в школе.

Таким образом, институционализация дистанционного обучения в общем образовании представляется практически невозможной. Можно сколько угодно формализовать данное обучение, принимать какие угодно законы и инструкции, но субъекты образовательного процесса никогда не согласятся с тем, что дистанционное образование удовлетворяет их потребности в образовании, следовательно, дистанционное образование в общем образовании никогда не будет институционализировано. Для того чтобы это стало возможно, необходимо создание иной школы, основанной на добровольном обучении и ненасилии, а возможность этого в современных условиях является весьма и весьма сомнительной.

Вместе с тем в случаях инклюзивного общего образования дистанционное образование может рассматриваться как идеальная форма образования. Для детей с ограниченными возможно-

стями (особенно в области опорно-двигательной системы) оно подчас является единственным способом получить какое-либо образование вообще. Здесь институционализация не только возможна, но и желательна. Единственным препятствием в данном случае является не легитимизация, а формализация такого типа образования. Представляется, что полная институционализация дистанционного образования для детей с ограниченными возможностями произойдет в ближайшее время.

3.4.3. Институционализация дистанционного образования в среднем профессиональном образовании

Проблема институционализации дистанционного образования в среднем профессиональном образовании (СПО) носит комплексный характер.

Во-первых, отсутствует необходимая нормативная база. Использование такого образования недостаточно формализовано. Сказанное в «Законе об образовании в Российской Федерации» является явно неполным. Специальные документы, регламентирующие использование такого образования, в СПО отсутствуют, слабо разработаны и инструкции на уровне конкретных образовательных организаций. Поэтому даже с точки зрения формального компонента данная проблема в настоящий момент представляется нерешенной.

Во-вторых, непонимание границ действия дистанционного образования создает ситуацию, при которой его пытаются применять для того, для чего оно совершенно не подходит. Границами действия дистанционного образования являются необходимость использования лабораторного оборудования и тела (случаи, когда речь идет о физических упражнениях любого рода).

В таких ситуациях дистанционное образование работать не может, никакие тренажеры не заменят необходимость реальной работы на станке, в лаборатории или показ и контроль выполнения движения танца. Это абсолютно исключено: пока будущая медсестра не попрактикуется в том, чтобы брать кровь непосредственно из вены, она взять кровь не сможет; пока будущий токарь не попробует вытачивать конкретную деталь, он не сможет этого делать.

Большинство профессий, которое дает среднее профессиональное образование, так или иначе связано с конкретной деятельностью, это не работа головой, это работа руками. Особенно учитывая тот факт, что современное среднее профессиональное образование объединяет бывшие техникумы и профессионально-технические училища (ПТУ), последние были предназначены для подготовки квалифицированных рабочих, которые работали на заводах в основном с конкретным оборудованием, и целью обучения как раз и являлось обучение людей работе с этим оборудованием.

Совершенно ясно, что дистанционным способом это сделать невозможно, а раз так, то попытка использовать дистанционное образование для этого обречена на провал, следовательно, оно не может быть легитимизировано, а значит, и институционализировано.

В-третьих, и это касается также и общего образования, существует проблема юридической ответственности за несовершеннолетних. Среднее профессиональное образование получает огромное количество несовершеннолетних студентов. В случае дистанционного образования обучение осуществляется из дома. Следовательно, юридическую ответственность за то, что происходит во время обучения, несут родители студентов. А они, конечно, должны работать. Тем самым они вынуждены оставлять несовершеннолетних учащихся дома. То, что там может произойти, а произойти может все что угодно, любые проблемы с жизнью и здоровьем учащихся, является предметом юридической ответственности родителей, которые совершенно такой ответственности не хотят, поэтому не могут легитимизировать дистанционное обучение.

В-четвертых, и это также касается и общего образования, существует колоссальная проблема с обеспечением учащихся дистанционными рабочими местами. Многие семьи в России живут чрезвычайно бедно, в очень стесненных условиях, у двух-трех и более детей в семье часто нет своей комнаты, обеспеченной их личным персональным компьютером. В результате возникает материальная невозможность реализации дистанционного обучения и невозможность доступа до высокоскоростной сети Интернет. Далеко не во всех регионах страны она реально имеет место. В своей практике дистанционного обучения в высшем

образовании я не один раз сталкивался с отсутствием компьютеров даже у студентов вузов, но, учитывая, что речь шла о взрослых совершеннолетних людях, каким-то образом мы эту проблему решали. В случае со средним профессиональным и общим образованием, сделать это куда сложнее. Необходимость решения данной проблемы также не способствует легитимизации дистанционного обучения.

В-пятых, неготовность большинства преподавателей и организаторов среднего профессионального образования проводить занятия в дистанционном режиме. Чаще всего происходят попытки проводить обучение в синхронном режиме, имитируя обычное очное обучение, а это неверно. В этой ситуации основные преимущества дистанционного обучения теряются, в своих предыдущих работах [86–90] я достаточно наглядно обосновал, почему это так². В результате теряется легитимность дистанционного образования. Таким образом, можно утверждать, что институционализация дистанционного образования в среднем профессиональном образовании также представляет собой значительную проблему, которую необходимо серьезно изучать, но ясно одно, что сам процесс является достаточно сложным и противоречивым.

3.4.4. Институционализация дистанционного образования в высшем профессиональном образовании

Рассматривая институционализацию дистанционного образования в высшем профессиональном образовании, нужно сказать несколько слов.

Во-первых, для дистанционного образования характерна вся та же проблематика, что и в случае общего и среднего профессионального образования, за исключением проблем, связанных с возрастом обучающихся. Студенты высшего образования в абсолютном большинстве совершеннолетние.

Во-вторых, в высшем образовании меньше распространено практическое обучение, требующее специального оборудо-

²Эрштейн, Л. Б. К вопросу об институализации дистанционного образования / Л. Б. Эрштейн // Профессиональное образование и рынок труда. – 2022. – № 1. – С. 44–54 // URL: <https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.003>

дования, чем в среднем профессиональном, хотя там это нередко встречается, поэтому реализация дистанционного обучения в нем возможна лучше всего.

В-третьих, как и в предыдущих случаях, в высшем образовании наблюдаются серьезные недостатки формализации дистанционного образования. В настоящее время не ясны оптимальные методы и формы проведения дистанционных занятий в высшем образовании.

Как я уже писал, на мой взгляд, это синхронно-асинхронный режим, данная точка зрения, разумеется, не является общепринятой и тем более формализованной в достаточной мере. Вместе с тем пока совершенно не ясно, какой уровень формализации является оптимальным для качественной реализации дистанционного обучения. Этот вопрос, несмотря на обилие исследований в области дистанционного образования, не изучается вообще.

В-четвертых, основная претензия к дистанционному обучению в высшем образовании состоит в том, что, по мнению многих, вуз существует не только для получения образования, но и для завязывания соответствующих связей. Эти многие видимо не понимают, насколько социальные сети и другие средства сетевой коммуникации могут способствовать налаживанию связей любой глубины и уровня. Но, на мой взгляд, проблема заключается в том, для чего, собственно, существует высшее образование, для учения или для развлечения? К сожалению, даже очень многие преподаватели считают, что для второго. По моему мнению, вуз существует все-таки для учения, и оно подтверждается тем, что те студенты, которые приходят в вуз именно учиться, не высказывают претензии к дистанционному обучению, напротив, радуются возможности экономии времени и средств на поездки, а также возможности консультироваться с преподавателями столько, сколько им надо, слушать и смотреть учебные материалы неограниченное количество раз.

В-пятых, большое число преподавателей предъявляют претензии по поводу невозможности вступления в реальную коммуникацию со студентами и невозможности видеть их лица. На мой взгляд, это отражает уже указанную проблему неготовности преподавательского состава к реализации дистанционного обучения. Кроме того, возникает стойкое ощущение, что неко-

торые преподаватели также убеждены в том, что вуз скорее для развлечения, нежели для обучения.

Однако, что необходимо подчеркнуть, можно быть сколько угодно уверенным в преимуществах дистанционного образования, но институционализация – процесс конвенциональный, для того чтобы то или иное явление стало социальным институтом, оно должно быть не объективно позитивным, а позитивным в глазах большинства субъектов, касающихся этого явления, оно должно быть признано ими как удовлетворяющее те потребности, ради удовлетворения которых оно существует.

У дистанционного образования в высшем образовании существует огромное количество преимуществ над очным обучением, но пока оно не будет признано большинством субъектов, институционализировано оно не будет.

3.4.5. Итоги

В настоящий момент социальная ситуация такова, что институционализация дистанционного образования находится под большим вопросом. По всей видимости, нужна серьезная перестройка общественного сознания, чтобы это произошло, и едва ли можно ожидать, что это случится достаточно быстро. Пандемия COVID-19 серьезно изменила взгляд на дистанционное образование, она заставила людей признать дистанционное образование не как нечто экзотическое, а как общепринятую социальную практику.

Следующим этапом, по-видимому, будет коррекция применения такого образования с использованием его только там, где оно наиболее эффективно, с последующим его признанием, т. е. полной институционализацией.

Однако уже сейчас совершенно ясно, что при обучении многим дисциплинам отказаться от дистанционного образования невозможно. Появилась огромное количество сторонников такого образования среди всех субъектов образовательного процесса, поэтому полный отказ от него в настоящий момент представляется нереальным, а значит, институционализация дистанционного образования будет продолжаться.

3.5. Институционализация научного руководства

Последним вопросом, касающимся институционализации образования, который мы затронем в нашей работе, будет вопрос об институционализации научного руководства. Проблемой научного руководства, как образовательным и социальным явлением, в России практически не занимаются. То небольшое количество исследований и около 40 работ, написанных лично мной, конечно, не дают представление о значимости и всех аспектах данного феномена. На Западе вопрос научного руководства рассматривается намного шире, но проблема институционализации научного руководства не рассмотрена и там.

Данная проблема имеет скрытый характер, хотя и является, на мой взгляд, очень актуальной. Рассматривая формальный аспект, можно отметить, что, казалось бы, никаких претензий к нему быть не может, научное руководство упоминается в основных документах, касающихся регламентации подготовки кадров высшей квалификации, существуют многочисленные инструкции о работе научных руководителей и в конкретных вузах. Однако, несмотря на такую видимую формализацию, деятельность научных руководителей фактически бесконтрольна. Научные руководители не подвергаются никаким санкциям в случае выполнения своих обязанностей некачественно и плохо. Научный руководитель может всегда сказать, что виноват его подопечный, что сам он не имеет к неудаче никакого отношения вообще. Поэтому, имея видимые черты формализации, деятельность научного руководителя фактически неформализована.

Фактически научные руководители не несут никакой ответственности за результат, хотя, как показали, например, наши исследования, этот результат от них полностью зависит [90].

Требования, которые предъявляются к научным руководителям, как правило, не соответствуют тем реальным требованиям, которым они должны соответствовать, например, любой руководитель должен обладать влиятельностью³, но ни в одной инструкции, ни в одном документе такое требование не найти.

³Эрштейн, Л. Б. Влиятельность научного руководителя как важнейший фактор защиты диссертационных исследований / Л. Б. Эрштейн // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2020. – № 1. – С. 39–43.

Фактически научный руководитель должен обладать неформализуемыми качествами.

Требования к будущим аспирантам вообще не формализуются нигде. Аспирантом может быть кто угодно. Нигде не прописаны качества будущего аспиранта, фактически, чтобы стать аспирантом, необходимо сдать вступительные экзамены в аспирантуру, а в случае соискательства нет необходимости даже этого.

Между тем для подготовки диссертационного исследования и занятия исследовательской деятельностью необходимо обладать целым рядом качеств, которые не регламентируются и не указываются.

С ситуацией подготовки диссертационных исследований, вообще говоря, создается формализационный конфликт. Дело в том, что в условиях России защита диссертации является предельно формализованным процессом, регламентируется вообще все. И при этом ситуация научного руководства, как мы видим, является неформализованной. Документально не регламентируются реальные требования к научному руководителю, и уж тем более к аспиранту. Удивляться ли после этого столь малому количеству защит диссертаций, когда научный руководитель и аспирант могут делать вообще все что угодно, когда отсутствуют требования к их взаимному психологическому соответствию, то естественно, что защиты диссертаций являются редкостью, деятельность научного руководителя редко достигает поставленной цели. Таким образом, научное руководство как социальное явление является лишь частично формализованным.

Что касается признания научного руководства как социального явления, то здесь ситуация еще более сложная. Декларировано никто не отрицает важность научного руководства, но в действительности образовательная практика и научные исследования в Российской Федерации не обращают на этот феномен особого внимания. Отношение к научному руководству у образовательного сообщества примерно похоже на отношение к информальному образованию. Де-факто считается, что научное руководство – это дело научного руководителя и аспиранта.

Значимость научного руководства как образовательного процесса обществом признается слабо, а как образовательного

процесса, влияющего на все развитие общества и определяющего его, не признается вообще.

Утверждение, что научное руководство определяет современное социальное развитие, не является преувеличением. Социальное развитие современного общества (и это признают все исследователи) напрямую зависит от развития социальных институтов науки и образования, а они, в свою очередь, во многом зависят от качества подготовки ученых, которое в значительной степени определяется эффективностью научного руководства. Фактически научное руководство напоминает систему кураторства, когда к закончившему учебное заведение выпускнику при устройстве на работу прикреплялся личный наставник (куратор), который и учил молодого сотрудника особенностям профессиональной деятельности в той или иной профессии. Проблема в том, что деятельность этих кураторов носила полуофициальный характер и никогда не была институционализирована. Все характеристики их деятельности определялись в лучшем случае внутренними инструкциями на предприятиях, а иногда и вообще ничем. Между тем именно такие кураторы и определяли конечное качество подготовки молодых сотрудников.

Аналогичная ситуация с научным руководством. По отношению к аспиранту научный руководитель выступает в качестве персонального учителя, который обучает его основам научной деятельности, и если обучение проходит плохо, или кто-либо, руководитель либо аспирант, не готов к такому обучению, то, разумеется, ситуация научного руководства терпит крах, и аспирант никогда не защищает диссертацию, а оба останутся крайне недовольны друг другом.

Непонимание обществом значения научного руководства ставит огромный барьер на пути его институционализации. Научное руководство не может быть институционализировано потому, что общество не видит в этом никакой нужды. И это одна из основных проблем, связанных с повышением качества научного руководства как такового, а значит, и развития науки в Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной уважаемому читателю работе изложено достаточно большое количество вопросов, касающихся социальных институтов и институционализации.

Разумеется, по каждому из этих вопросов должны быть проведены отдельные специальные исследования, поэтому мы не претендуем на полноту изложения. Вместе с тем целый ряд проблем рассматривается впервые. В этой работе мы хотели показать развитие социальных институтов, исходя из единых оснований, т. е. построить целостную концепцию социальных институтов и процессов институционализации. Насколько это удалось, судить читателю.

Множество вопросов и противоречий будет выявлено в процессе дальнейших исследований рассмотренной проблематики.

На мой взгляд, изучение социальных процессов без изучения социальных институтов совершенно невозможно. По сути, социальные институты являются структурами общества, объединяющими его в единое целое. Социальные институты создают общество. Вместе с тем в обществе, конечно, присутствуют не только социальные институты, но и другие, неформализованные и (или) нелегитимизированные, явления.

Социальные институты составляют формальное ядро общества, но в обществе присутствует не только ядро. Рассмотрение места социальных институтов в ряду других социальных структур представляет собой проблему отдельного исследования. В этой же небольшой работе мы попытались показать внутреннюю структуру социальных институтов и процесс их становления — институционализации, а также значение социальных институтов для людей и организаций.

Насколько это удалось, судить вам, уважаемый читатель.

Благодарю вас за прочтение данной книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аберкромби, Н.* Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер ; пер. с англ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Экономика, 2004.
2. *Агапова, И. И.* Институциональная экономика : учеб. пособие / И. И. Агапова. – М. : Экономистъ, 2006. – 254 с.
3. *Андряш, В. И.* Институционализация: понятие и содержание / В. И. Андряш // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 11. – Ч. 3 // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/11/39534> (дата обращения: 04.10.2021).
4. *Антипов, М. А.* Деинституализация как проявление архаизации постсовременного общества / М. А. Антипов, Б. А. Дорошин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 3 (50) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deinstitalizatsiya-kak-proyavlenie-arhaizatsii-postsovremennogo-obschestva> (дата обращения: 12.05.2022).
5. *Артемова, О. Ю.* Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы: опыт изучения альтернативных социальных систем / О. Ю. Артемова. – М. : Смысл, 2009.
6. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
7. *Бондаренко, Д. М.* Социальные институты и базовые принципы организации обществ / Д. М. Бондаренко // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 1 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-instituty-i-bazovye-printsipy-organizatsii-obschestv> (дата обращения: 01.05.2022).
8. *Бочков, В. Е.* Проблемы формирования институциональной и правовой среды для развития дистанционного образования в условиях реформирования системы образования /

В. Е. Бочков, Т. Н. Мартынова, С. А. Кочерга // Право и образование. – 2007. – № 8. – С. 31–45.

9. Будон, Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Р. Будон ; пер. с фр. – М. : Аспект Пресс, 1998.

10. Буряк, О. А. Значение образования в современном обществе / О. А. Буряк // Студенческий научный форум : материалы X Междунар. студ. науч. конф. // URL: <href="https://scienceforum.ru/2018/article/2018009434">https://scienceforum.ru/2018/article/2018009434 (дата обращения: 18.05.2022).

11. Ковалев, В. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия учебник / В. В. Ковалев, О. Н. Волкова. – М. : Проспект, 2001. – 420 с.

12. Валлерстайн, И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? / И. Валлерстайн // Социологические исследования. – 1997. – № 1.

13. Величко, Н. В. Роль социальных институтов в формировании социальных и культурных ценностей в современном Российском обществе / Н. В. Величко // Динамика языковых и культурных процессов современной России. – 2016. – № 5. – С. 70–74.

14. Воронкова, О. В. Наука как важнейший социальный институт / О. В. Воронкова // Перспективы науки. – 2010. – № 12 (14). – С. 5–7.

15. Врублевская, О. А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях / О. А. Врублевская // Сибирский аэрокосмический журнал. – 2006. – № 5 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-ponyatiya-sotsialnoe-vzaimodeystvie-v-nauchnyh-issledovaniyah> (дата обращения: 07.05.2022).

16. Второй закон термодинамики // URL: https://studopedia.ru/2_103030_vtoroy-zakon-termodinamiki.html

17. Гудолл, Дж. Шимпанзе в природе: поведение / Дж. Гудолл ; пер. с англ. – М. : Мир, 1992. – 670 с.

18. Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 11–15 (79). – С. 105–107.

19. Джери, Д. Большой толковый социологический словарь : в 2 т. / Д. Джери ; пер. с англ. – М. : Вече ; АСТ, 1999.

20. *Дюмон, Л.* Эссе об индивидуализме / Л. Дюмон. – Дубна : ИЦ «Феникс», 1997.
21. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М., 1991. – 334 с.
22. *Ельникова, Г. А.* Социология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по несоциологическим направлениям подготовки (квалификация (степень) «бакалавр») / Г. А. Ельникова. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 179 с.
23. *Жбанкова, И. И.* Проблема взаимодействия: философский очерк / И. И. Жбанкова. – Минск, 1971. – 142 с.
24. *Журавлева, И. А.* Институционализация социальных практик и трансформация социальных институтов в обществе знаний / И. А. Журавлева. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 7. – Ч. 2. – С. 77–82.
25. Закон об образовании в Российской Федерации // <https://docs.cntd.ru/document/902389617>
26. *Зиммель, Г.* ...Социальная дифференциация : социологические и психологические исследования / Г. Зиммель ; пер. с нем. С. Г. – Киев ; Харьков : Ф. А. Иогансон, 1898 (Киев : тип. И. И. Чоколова). – 223 с.
27. Институциональная экономика: новая институциональная теория : учебник / А. А. Аузан и др. ; под общ. ред. А. А. Аузана. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 416 с.
28. *Кандаурова, А. В.* К вопросу о структуре социального взаимодействия / А. В. Кандаурова // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 62–66.
29. *Караман, Е. В.* Институционализация корпоративного образования в современной России : автореф. ... канд. социол. наук / Е. В. Караман. – Екатеринбург, 2009. – 23 с. // URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1598/1/urgu0629s.pdf>
30. *Кичерова, М. Н.* Неформальное образование: международный опыт признания компетенций / М. Н. Кичерова, Е. В. Зюбан, Е. О. Муслимова // Вопросы образования. – 2020. – № 1. – С. 126–158.
31. *Козырев, Г. И.* Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль / Г. И. Козырев // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 124–129.

32. *Козырева, О. В.* Феномен социального института и его теоретическое определение / О. В. Козырева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 6 (42) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-sotsialnogo-instituta-i-ego-teoreticheskoe-opredelenie> (дата обращения: 13.05.2022).

33. *Коржевская, Н. М.* Социальный институт как общественное явление (социологический аспект) / Н. М. Коржевская. – Свердловск, 1983. – 132 с.

34. *Кувакова, И. М.* Процессы институционализации и самоорганизации в сфере образования: вопросы научной методологии / И. М. Кувакова. – Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2009. – 80 с.

35. *Кудрявцев, В. Н.* Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления) / В. Н. Кудрявцев // URL: https://studref.com/310786/sotsiologiya/sotsialnye_defformatsii_prichiny_mehanizmy_i_puti_preodoleniya

36. *Латышева, В. В.* Основы социологии и политологии : учебник для СПО / В. В. Латышева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во «Юрайт», 2018. – 304 с.

37. *Левков, С. А.* Дисфункция социального института семьи / С. А. Левков, К. С. Михайлова // Вестник ТОГУ. – 2014. – № 4 (35). – С. 301–306.

38. *Лейман, И. И.* Наука как социальный институт / И. И. Лейман. – Л. : Наука, 1971. – 118 с.

39. *Лоренц, К.* Агрессия, или Так называемое зло / К. Лоренц ; пер. с нем. А. Федорова. – М. : Изд-во АСТ, 2017. – 352 с.

40. *Лукашенок, И. В.* Социологические исследования процессов институционализации / И. В. Лукашенок // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2012. – № 3. – (Сер. «Гуманитарные и социальные науки») // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-issledovaniya-protsssov-institutsionalizatsii> (дата обращения: 12.05.2022).

41. *Маслов, В. И.* Роль образования в современном мире / В. И. Маслов // Век глобализации. – 2013. – № 2 (12) // URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/162985/>

42. *Моуэт, Ф. М.-Г.* Не кричи: «Волки!» / Ф. М.-Г. Моуэт ; пер. с англ. – М. : Мысль, 1992. – 124 с.

43. *Муртазина, Л. Р.* Теоретико-методологические подходы к исследованию изменений социальных институтов / Л. Р. Муртазина // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. – 2009. – № 3. – С. 111–115.

44. *Новикова, С. С.* Социология: история, основы, институционализация в России / С. С. Новикова. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т. ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 464 с.

45. *Норт, Д.* Институты и экономический рост: историческое введение / Д. Норт // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 69–91.

46. Организация // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/организация>

47. *Орехов, А. М.* О жизни и смерти социальных институтов / А. М. Орехова // Вопросы социальной теории. – 2017. – Т. 9. – С. 139–150.

48. *Осипов, Г. В.* Введение в социологическую науку / Г. В. Осипов. – М., 2010. – 332 с.

49. *Панов, П. В.* Институты и институциональные практики: проблема концептуализации / П. В. Панов // Вестник Пермского университета. – 2010. – № 4. – С. 34–47. – (Сер. «Политология»).

50. *Парсонс, Т.* К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук / Т. Парсонс // Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М., 2002. – 498 с.

51. *Парсонс, Т.* О социальных системах / Т. Парсонс. – М., 2002. – 84 с.

52. *Парсонс, Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс // Библиотека учебной и научной литературы // URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/parsons_o_strukture/ (дата обращения: 20.02.2018).

53. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. – М. : Аспект Пресс, 1997.

54. *Плотников, В. В.* Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы / В. В. Плотников // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 21 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktsiya-i-disfunktsiya-sotsialnyh-institutov-analiz-zhiznesposobnosti-gosudarstvennoy-sistemy> (дата обращения: 04.05.2022).

55. *Плотников, В. В.* Институциональные последствия социальной трансформации глобального уровня / В. В. Плотников // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2015. – № 3 (50). – С. 56–64.

56. *Поляков, В. Е.* Институциональный анализ : учеб. пособие / В. Е. Поляков. – Краснодар : КубГАУ, 2020. – 154 с.

57. *Попазов, Н. В.* Институционализация отношений между бизнесом и образованием / Н. В. Попазов // Известия СПбГУ. – 2012. – № 5. – С. 105–108.

58. *Преображенская, К. В.* Антропологические парадигмы взаимодействия социальных институтов / К. В. Преображенская, С. И. Шелонаев // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskie-paradigmy-vzaimodeystviya-sotsialnyh-institutov> (дата обращения: 07.05.2022).

59. *Путимцев, С. В.* Понятие и сущность социального взаимодействия / С. В. Путимцев // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 23–24 апреля 2018 г. : в 2 т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – Т. 1. – С. 50–55.

60. *Радаев, В.* Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности / В. Радаев // Вопросы экономики. – 2001. – № 6.

61. *Радугин, А. А.* Социология : курс лекций / А. А. Радугин, К. А. Радугин. – М. : Владос, 1995. – 122 с.

62. *Смит Н. Л.* Валидация неформального обучения как нового социального института в России / Н. Л. Смит, С. В. Илькевич // Педагогика. – 2018. – № 2. – С. 15–25.

63. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / пер. с англ. В. М. Карзинкина, Ю. В. Семе-

нова ; предисл.: Г. Беккер, А. Боскова ; общ. ред. и послесл. Д. И. Чеснокова. – М. : Изд-во ин. лит., 1961. – 882 с.

64. *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. – 1056 с.

65. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М., 1992. – С. 218–219.

66. *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин ; пер. с англ. – СПб. : РХГИ, 2000.

67. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : БелЭн, 2003.

68. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; пер. с англ. ; под ред. С. А. Ерофеева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997. – 405 с.

69. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова. – М. : ИНФРА-М-НОРМА, 1998.

70. Социология : курс лекций / под ред. В. А. Михайлова. – Ульяновск : УлГТУ, 2004. – 207 с.

71. *Сулейменова, Ж. А.* Взаимодействие социальных институтов в процессе социализации школьников / Ж. А. Сулейменова // Наука и школа. – 2014. – № 6 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-sotsialnyh-institutov-v-protssesse-sotsializatsii-shkolnikov> (дата обращения: 07.05.2022).

72. *Сухарев, О. С.* Институциональный анализ в исследовании экономических изменений: принципы, допущения, ограничения / О. С. Сухарев // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 33 (336) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnyy-analiz-v-issledovanii-ekonomicheskikh-izmeneniy-printsipy-dopuscheniya-ogranicheniya> (дата обращения: 16.05.2022).

73. *Тернер, Дж.* Структура социологической теории / Дж. Тернер ; пер. с англ. ; общ. ред. и вступ. ст. Г. В. Осипова. – М. : Прогресс, 1985. – 369 с.

74. *Тойнби, А.* Постижение истории / А. Тойнби ; пер. с англ. – 2-е изд. – М. : Айрис-Пресс, 2002.

75. *Уильямсон, О.* Экономические институты капитализма / О. Уильямсон. – СПб., 1996. – 709 с.

76. *Филиппова, И. А.* Роль и значение образования в современном обществе / И. А. Филиппова, С. Н. Сучков // Вестник УлГТУ. – 2018. – № 3 (83) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-obrazovaniya-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 18.05.2022).

77. *Фролов, С. С.* Социология : учебник для вузов / С. С. Фролов. – М. : Наука, 1994. – 256 с.

78. *Хамзина, Г. Р.* Поселенческий фактор социальных изменений / Г. Р. Хамзина. – Казань : КГУ, 2006.

79. *Хлопин, А. Д.* Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? / А. Д. Хлопин // Полис (Политические исследования). – 2004. – № 6.

80. *Черникова, Ю. А.* Дистанционное образование как институциональная форма непрерывного профессионального образования городского населения / Ю. А. Черникова // Социология города. – 2011. – № 4. – С. 42–47.

81. *Чилипенко, Ю. Ю.* Социальное взаимодействие как основа социально-трудовых отношений / Ю. Ю. Чилипенко // Петербургская социология сегодня. – 2015. – № 6 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-vzaimodeystvie-kak-osnova-sotsialno-trudovyh-otnosheniy> (дата обращения: 07.05.2022).

82. *Штомпка, П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. – М. : Аспект-Пресс, 1996.

83. *Шубников, Ю. Б.* Признаки и функции социальных институтов / Ю. Б. Шубников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 4 (60) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-i-funktsii-sotsialnyh-institutov> (дата обращения: 01.05.2022).

84. *Шубников, Ю. Б.* Субъекты и объекты отношений как факторы развития социальных институтов / Ю. Б. Шубников // Мир экономики и права. – 2013. – № 9. – С. 23–29.

85. *Щепаньский, Я.* Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский. – М., 1969. – 240 с.
86. *Эрштейн, Л. Б.* Борьба за существование и естественный отбор как основные движущие силы развития личности и социума: общество как экологическая система : монография / Л. Б. Эрштейн. – СПб., 2010. – 137 с.
87. *Эрштейн, Л. Б.* Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов : монография / Л. Б. Эрштейн. – СПб., 2008. – 122 с.
88. *Эрштейн, Л. Б.* Научное руководство: теория и методика / Л. Б. Эрштейн. – СПб. : Петербургский институт печати, 2013. – 196 с.
89. *Эрштейн, Л. Б.* Низкая результативность деятельности аспирантуры и необходимость разработки общей теории научного руководства / Л. Б. Эрштейн // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 15. – С. 218–223.
90. *Эрштейн, Л. Б.* Формализация как причина разрушения высшего образования в России : науч. ст. / Л. Б. Эрштейн, А. В. Ахлестина // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2019. – № 3. – С. 84–88.
91. *Яковец, Ю. В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковец. – М. : Экономика, 2003.
92. *Artemova, O. Yu.* Equality as a Human Categorical Imperative / O. Yu. Artemova // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. – 2020. – № 1. – Р. 64–91.
93. *Artemova, O. Yu.* Monopolization of Knowledge, Social Inequality, and Female Status: A Cross-Cultural Study / O. Yu. Artemova // Cross-Cultural Research. – 2003. – Vol. 37. – № 1. – Р. 62–80.
94. *Austin, J. L.* How to Do Things with Words / J. L. Austin. – Oxford : Oxford University Press, 1962.
95. *Barnard, A.* Afterword / A. Barnard // Human Origins: Contributions from Social Anthropology / ed. by C. Power, M. Finnegan, H. Callan. – New York ; Oxford : Berghahn, 2017. – Р. 319–335.

96. *Barth, F.* Political Leadership among Swat Pathans / F. Barth. – London : Athlone Press, 1959.

97. *Bern, J.* Ideology and Domination: Toward a Reconstruction of Australian Aboriginal Social Formation / J. Bern // *Oceania*. – 1979. – Vol. 50. – № 2. – P. 118–132.

98. *Blanton, R. E.* How Humans Cooperate: Confronting the Challenges of Collective Action / R. E. Blanton, L. F. Fargher. – Boulder, CO : University Press of Colorado, 2016.

99. *Bodewes, W. E. J.* Formalization and innovation revisited / W. E. J. Bodewes // *European Journal of Innovation Management*. – 2002. – Vol. 5. – № 4. – P. 214–223 // URL: <https://doi.org/10.1108/14601060210451171>

100. *Bryceson, D. F.* Deagrarianization and Depeasantization in Africa: Tracing Sectoral Transformation and Rural Income Diversification / D. F. Bryceson // *Routledge Handbook of African Development* / ed. by T. Binns, K. Lynch, E. N. Abingdon. – New York : Routledge, 2018. – P. 368–377.

101. *Cardona, L. M.* The institutional isomorphism in the context of organizational changes in higher education institutions / L. M. Cardona, M. Pardo, A. Dasi // *International Journal of Research in Education and Science (IJRES)*. – 2020. – № 6 (1). – P. 61–73.

102. *Casanovas, I.* Exploring the Current Theoretical Background about Adoption until Institutionalization of Online Education in Universities: Needs for Further Research / I. Casanovas // *Electronic Journal of e-Learning*. – 2010. – № 8 (2). – P. 73–84 // URL: www.ejel.org

103. *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas* / ed. by E. M. Redmond. – Gainesville, FL : University Press of Florida, 1998.

104. *Claessen, H. J. M.* Aspects of Law and Order in Early State Societies / H. J. M. Claessen // *The Law's Beginnings* / ed. by F. J. M. Feldbrugge. – Leiden : Brill; Nijhoff, 2003. – P. 161–179.

105. *Claessen, H. J. M.* Early State Intricacies / H. J. M. Claessen // *Social Evolution and History*. – 2005. – Vol. 4. – № 2. – P. 151–158.

106. *Claessen, H. J. M.* Sacred Kingship: Cases from Polynesia / H. J. M. Claessen // *Social Evolution and History*. – 2018. – Vol. 17. – № 2. – P. 3–26.

107. *Claessen, H. J. M. Early State Today* / H. J. M. Claessen, R. R. Hagesteijn, P. van de Velde // *Social Evolution and History*. – 2008. – Vol. 7. – № 1. – P. 245–265.
108. *Coast and Southern Zambezia // Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity* / ed. by R. J. Chacon, R. G. Mendoza. – New York : Springer, 2017. – P. 61–89.
109. *Cross-Cultural Analysis* / ed. by L. F. Fargher, V. Y. Heredia Espinoza. – Boulder, CO : University Press of Colorado, 2016. – P. 41–58.
110. *Crumley, C. L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / C. L. Crumley // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / ed. by R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, J. E. Levy. – Washington, DC : American Anthropological Association, 1995. – P. 1–5.
111. *Earle, T. K. Political Domination and Social Evolution* / T. K. Earle // *Companion Encyclopedia of Anthropology* / ed. by T. Ingold. – London : Routledge, 1994. – P. 940–961.
112. *Ehrenreich, R. M. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / R. M. Ehrenreich, C. L. Crumley, J. E. Levy. – Washington, DC : American Anthropological Association, 1995. – P. 101–123.
113. *Feinman, G. M. Chiefdoms and Nonindustrial States* / G. M. Feinman // *Encyclopedia of Cultural Anthropology* / ed. by D. Levinson, M. Ember. – New York : Holt, 1996. – Vol. 1. – P. 185–191.
114. *Ferguson, Y. H. From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience* / Y. H. Ferguson // *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology* / ed. by T. Earle. – Cambridge ; New York: Cambridge University Press, 1991. – P. 169–192.
115. *Finlayson, B. Egalitarian Societies and the Earliest Neolithic of Southwest Asia* / B. Finlayson // *Journal of interdisciplinary studies*. – 2020. – № 1. – P. 27–43.
116. *Finlayson, B. The Invention of Equality: Guest Editors' Foreword* / B. Finlayson, O. Artemova // *Journal of interdisciplinary studies*. – 2020. – № 1. – P. 7–12.
117. *Flannery, K. The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire* /

K. Flannery, J. Marcus. – Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2012.

118. *Francisco, R. A.* Collective Action Theory and Empirical Evidence / R. A. Francisco. – New York : Springer, 2010.

119. *Friesen, N.* Interaction for lifelong learning / N. Friesen, T. Anderson // *British Journal of Educational Technology*. – 2004. – № 35 (6). – P. 679–687.

120. *Hart, K.* Jack Goody's Vision of World History and African Development Today / K. Hart. – Halle; Saale : Max Planck Institute for Social Anthropology, 2011.

121. *Hierarchy and Value. Comparative Perspectives on Moral Order* / ed. by J. Hickel, N. Haynes. – New York ; Oxford : Berghahn, 2018.

122. *Helmke, G.* Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda / G. Helmke, S. Levitsky. – Working Paper, 2003.

123. *Institutions, Emotions, and Group Agents: Contributions to Social Ontology* / ed. by A. K. Ziv, H. B. Schmid. – Dordrecht : Springer, 2014.

124. *Introduction to Formal Philosophy* by Sven Ove Hansson, Vincent F. – Hendricks : Springer, 2018. – 727 p.

125. *Boyd, J.* Our Social Institutions Affect Our Personalities? / J. Boyd, C. Kouskyd // URL: <https://www.resources.org/common-resources/do-our-social-institutions-affect-our-personalities/>

126. *Johnson, A. W.* The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State / A. W. Johnson, T. K. Earle. – Stanford, CA : Stanford University Press, 2000.

127. *Johnson, G. A.* Organizational Structure and Scalar Stress / G. A. Johnson // *Theory and Explanation in Archaeology* / ed. by C. Renfrew, M. J. Rowlands, B. A. Segraves. – New York : Academic Press, 1982. – P. 389–421.

128. Jos van den Broek, Paul Benneworth, Roel Rutten. Institutionalization of cross-border regional innovation systems: the role of university institutional entrepreneurs / J. van den Broek, P. Benneworth, R. Rutten // *Regional Studies, Regional Science*. – 2019. – № 6 (1). – P. 55–69. Doi: 10.1080/21681376.2018.1562367.

129. *Kapferer, B.* Legends of People, Myths of State. Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia / B. Kapferer. – Washington, DC ; London : Smithsonian Institution Press, 2012.

130. *Karatas, A. E.* An analysis of the expansion of higher education in Turkey using the new institutional theory / E. A. Karatas, N. Guclu // Educational Sciences: Theory & Practice, 17, 1911–1933. – 2017.

131. *Korotayev, A. V.* Evolution of Sociopolitical Institutions in North-East Yemen (the 1st Millennium BCE – the 2nd Millennium CE) / A. V. Korotayev // The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives / ed. by D. M. Bondarenko, S. A. Kowalewski, D. B. Small. – Cham : Springer International Publishing, 2020. – P. 161–184.

132. Vladivostok : Vestnik of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press / N. N. Kradin [et al.]. – 2000. – P. 123–131.

133. *Laumann, E. O.* The Consequences of Stratification / E. O. Laumann, P. M. Siegel, R.W. Hodge // The Logic of Social Hierarchies / ed. by E. O. Laumann, P. M. Siegel, R. W. Hodge. – Chicago : Markham, 1970. – P. 589–593.

134. *Leach, E. R.* Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure / E. R. Leach. – Boston : Beacon Press, 1954.

135. *Lewis, J.* Forest Hunter-Gatherers and Their World. Ph. D. Dissertation / J. Lewis. – London : University of London, 2002.

136. *Marcus, J.* Introduction / J. Marcus, G. M. Feinman // Archaic States / ed. by G. M. Feinman, J. Marcus. – Santa Fe, NM : School of American Research Press, 1998. – P. 3–13.

137. *Matsumura, S.* The Evolution of «Egalitarian» and «Despotic» Social Systems among Macaques / S. Matsumura // Primates. – 1999. – Vol. 40. – № 1. – P. 23–31.

138. *Medina, L. F.* A Unified Theory of Collective Action and Social Change / L. F. Medina. – Ann Arbor, MI : University of Michigan Press, 2007.

139. *Melucci, A.* Challenging Codes: Collective Action in the Information Age / A. Melucci. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

140. *Meyer, W.* The Effects of Education as an Institution / W. Meyer // American Journal of Sociology. – 1977. – № 83 (1). – P. 55–77.

141. *Mosko, M. S.* Junior Chiefs and Senior Sorcerers: The Contradictions and Inversions of Mekeo Hierarchy / M. S. Mosko // History and Anthropology. – 1994. – Vol. 7. – № 1–4. – P. 195–222.

142. *North, D. C.* Transaction Costs, Institutions, and Economic Performance / D. C. North. – San Francisco : ICS Press, 1992.

143. *Öztürk, İ.* Institutionalization Mechanisms at the Universities / İ. Öztürk // Case Study of the Turkish Universities. MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2021. – № 10 (3). – P. 1602–1617. Doi: 10.33206/mjss.866380.

144. *Pasternak, B.* Kinship and Community in Two Chinese Villages / B. Pasternak. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1972.

145. *Peterson, N.* Pre-colonial Inequality in Aboriginal Australia / N. Peterson // Prehistoric archaeology : Journal of interdisciplinary studies. – 2020. – № 1. – P. 55–63.

146. Realism in Action: Essays in the Philosophy of the Social Sciences / ed. by M. Sintonen, P. Ylikoski, K. Miller. – Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 2003.

147. *Rio, K. M.* Hierarchy and Its Alternatives: An Introduction to Movements of Totalization and Detotalization / K. M. Rio, O. H. Smedal // Hierarchy: Persistence and Transformation in Social Formations / ed. by K. M. Rio, O. H. Smedal. – New York ; Oxford : Berghahn, 2011. – P. 1–63.

148. *Sahlins, M. D.* Social Stratification in Polynesia / M. D. Sahlins. – Seattle : University of Washington Press, 1958.

149. *Curran S. R.* Global Perspectives on Social Institutions, Organizations, and Relations: Beyond Universalisms and Internationalisms / S. R. Curran // Global Perspectives. – 11 May 2020. – 1 (1). – P. 13410. Doi: <https://doi.org/10.1525/gp.2020.13410>.

150. *Schotter, A.* The Economic Theory of Social Institutions / A. Schotter. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981.

151. *Searle, J.* Making the Social World: The Structure of Human Civilization / J. Searle. – Oxford : Oxford University Press, 2010.

152. Why do higher education institutions internationalize? An investigation of the multilevel determinants of internationalization rationales / M. Seeber [et al.] // Higher Education. – 2016. – № 72. – 685–702.

153. *Service, E. R.* Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective / E. R. Service. – New York : Random House, 1971.

154. Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders / ed. by K. A. Raafaub. – Malden, MA : Blackwell, 2005.

155. *Spencer, H.* First principles / H. Spencer. – New York, 1898. – P. 46.

156. *Taylor, C.* Institutions in National Life / C. Taylor // Reconciling the Solitudes: Essays in Canadian Federalism and Nationalism / ed. by G. Laforest. – Montreal ; Kingston : McGill-Queens University Press, 1993. – P. 120–134.

157. The Greek Polis and the Invention of Democracy. A Politico-cultural Transformation and Its Interpretations / ed. by J. P. Arnason, K. A. Raafaub, P. Wagner. – Chichester : Wiley Blackwell, 2013.

158. *Tuomela, R.* Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents / R. Tuomela. – New York : Oxford University Press, 2013.

159. *Turner, J.* The Institutional Order / J. Turner. – New York : Longman, 1997.

160. *Vansina, J.* Kings in Tropical Africa / J. Vansina // Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa / ed. by E. Beumers, H.-J. Koloss. – Maastricht : Foundation Kings of Africa, 1992. – P. 19–26.

161. *Vansina, J.* Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-Evolutionary Theory / J. Vansina // Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa / ed. by S. K. McIntosh. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 166–172.

162. *Vehrencamp, S. L.* A Model for the Evolution of Despotic versus Egalitarian Societies / S. L. Vehrencamp // *Animal Behavior*. – 1983. – Vol. 31. – № 3.

163. *Wason, P. K.* Vladivostok: Vestnik of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press / P. K. Wason. – 2000. – P. 177–187.

164. *Wright, R.* Cognitive Codes and Collective Action at Mari and the Indus / R. Wright // *Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power and Cross-Cultural Analysis* / ed. by L. F. Fargher, V. Y. Heredia Espinoza. – Boulder, CO : University Press of Colorado, 2016. – P. 225–238.

165. *Zapp, M.* Beyond internationalisation and isomorphism – the construction of a global higher education regime / M. Zapp, F. O. Ramirez // *Comparative Education*. – 2019. – № 55 (4). – P. 473–493.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Л. Б. Эрштейн

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ**

Монография

Технический редактор, корректор *Л. В. Ларионова*

Оригинал-макет: *А. В. Абдулова, И. С. Леус*

Дизайн обложки: *А. В. Абдулова*

Подписано в печать 06.10.2022. Напечатано на ризографе. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 29 экз. Заказ № 3204 – 2022.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Глазовский государственный педагогический институт
им. В. Г. Короленко»

427621, Россия, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Первомайская, д. 25
Тел./факс: 8 (34141) 5-60-09; e-mail: izdat@mail.ru

ISBN 978-5-93008-384-2

9 785930 083842